

Литературная газета

№ 12 (575)

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Понедельник, 24 февраля 1936 г.

15 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ГРУЗИИ

25 февраля орденосная, социалистическая республика Грузии празднует пятнадцатилетие установления советской власти.

15 лет назад в Грузии восстанавливали принципы великой пролетарской революции. Три года господства меньшевиков, три года существования «демократической республики», по мнению Каутского, в наиболее чистом виде реализовавшей принципы Второго интернационала, выявили подлинно мерзкую буржуазную сущность меньшевизма, его предательскую роль. Непримиемые враги пролетарской революции. Непосредственные агенты империалистических государств, усердные лакеи оккупантов во время советского позорного господства показали всю неприглядность плохо замаскированного лица. Трудовой народ Грузии с оружием в руках боролся против этих угнетателей.

Непрерывные восстания во многих частях Грузии (Южной Осетии, в Мингрелии, в Лечуми, в Душети, в Борчалю и др.) подготовили пролетарскую революцию в Грузии. В феврале 1921 г. массы трудового народа Грузии с помощью русского пролетариата, с помощью героической Красной армии установили советскую власть. Большевикская партия Грузии, созданная и выпестованная тов. Сталиным, повела трудовой народ Грузии на новые фронты труда и классовой борьбы.

За все пятнадцать лет диктатуры пролетариата социалистическая мощь Грузии упорно и непрерывно росла. Годы борьбы и труда преобразили Грузию. Из царской полуголодной, из мелкобуржуазно-аграрной страны Грузия превратилась в мощную, промышленно-аграрную, цветущую социалистическую республику. Богатая природа Грузии поставлена на службу социализма.

Памятная Колхидка с вековыми болотами, с ишейтей, с маларией, превращается в цветущий, богатейший сад ширшуровых культур. Грузия стала очагом высокоценных технических культур. Все более и более увеличивается поля хлопка, табака, рами. В ближайшем будущем чайные плантации Грузии удовлетворят всю потребность Союза в чае.

Мелкобуржуазная раздробленность сельского хозяйства отошла в прошлое. Непрерывно поднялось благосостояние колхозных масс. Экономичность колхозников стала основой веселой, радостной жизни Грузии, республика ордена Ленина, за годы революции вырастила значительные кадры мастеров социалистического строительства. Во всех областях социалистического строительства развертывается стахановское движение. Новые люди социалистической Грузии, большевики партийные и непартийные во главе с испытанным руководителем КП(б) Грузии и Закавказья т. Лаврием Берия, являются творцами социализма. Социалистическое строительство является основой и условием для широчайшего подъема культуры, ее расцвета.

Пролетарская революция дала возможность широчайшим массам грузинского народа освоить лучшее из культурного наследия и стать творцами строительства новой, социалистической культуры. Грузия превратилась в республику сплошной грамотности.

КРАСНАЯ АРМИЯ И ЛИТЕРАТУРА

Вчера Советская страна праздновала восемнадцатилетие Рабоче-крестьянской Красной армии. Детище пролетарской революции — наша Красная армия, созданная в огне гражданской войны, прошла славный путь исторических побед над врагами пролетарской диктатуры. От малочисленных, разрозненных красноармейских и партизанских отрядов до лучшей в мире по боевому духу, выучке и техническому оснащению армии — так вот этот замечательный путь, пройденный под руководством создателей Красной армии — Ленина и Сталина. Тесная семья народов СССР, чей победный социалистический труд охраняют наши бойцы и командиры, горячо и восторженно приветствует гордость нашей страны — Красную армию. Так же горячо ее любят трудящиеся всего мира, видя в Красной армии вооруженный отряд мировой пролетарской революции. Мужеством нашей армии является важнейшим фактором политики мира, последовательно и настойчиво проводимой правительством Советской страны. С этой реальной силой не могут не считаться империалистические поджигатели войны во всем мире.

Советская страна трезво оценивает международную обстановку, она зорко и бдитственно следит за очагами новых кровопролитных войн, сложившихся на Западе и Дальнем Востоке. И грозным предостережением любителям играть с огнем прозвучали слова главы советского правительства на последней сессии ЦИК СССР о нашей готовности к обороне, слова, подчеркнутые цифрами бюджетных ассигнований на повышение обороноспособности нашей страны и боевой мощи Красной армии.

Рост технической оснащенности и боевой выучки нашей армии сопоставляет огромному политическому и культурному росту бойцов и командиров. Красная армия — замечательная кузница новых людей, стахановцев обороны, носителей новых социально-психологических качеств. Это люди, беззаветно преданные социалистической родине, нашей великой партии и ее вождю, люди, овладевшие сложной техникой современного боя и испускающие ее до конца. Наши летчики, танкисты, моряки-бойцы и командиры всех родов оружия обнаруживают в своей повседневной работе настойчивость, культуру, смелость и отвагу, которые немалым и ни в какой иной армии, кроме армии победившего пролетариата. Страна наша по-доброму смотрит вперед. Красная армия — армия победителей.

Советские писатели в долгу перед Красной армией. Это должно быть особо подчеркнуто в дни серьезного обострения военной угрозы нашей стране. Герои Красной армии, люди, обеспечивающие нашу победу в боях с капиталистическими армиями, еще не стали героями художественных произведений. Боец и командир современной Красной армии в их повседневном героическом труде, во всей сложности их чувств и мыслей еще не показаны по-настоящему в романах, стихах и пьесах. Замечательные дела и дни гражданской войны, ее жаркие бои и прославленные полководцы — эта тема также ждет новых и новых художников, ибо неслыханна эта сокровищница событий и образов. И хотя книг о гражданской войне у нас гораздо больше, чем о современной Красной армии, мы предъявляем все новые требования в этой области — и количественные, и качественные. Огромно познавательное

Газета и книга сделались неотъемлемой необходимостью каждого трудящегося.

Издательская продукция Грузии давно перекрывает во много раз все издания до революции. На грузинском языке в образовательных переводах выходят Маркс и Энгельс. Заключается издание полного собрания сочинений Ленина. В больших тиражах выходят труды Сталина. Переводятся и издаются гениальные произведения мировой литературы. Впервые наиболее полно, в лучших переводах, доходит до грузинского читателя любимые поэты Советского союза — Пушкин и Маяковский.

Грузинская художественная литература является наиболее передовой и ведущей на фронте грузинской культуры. За пятнадцать лет пролетарской революции грузинская литература прошла сложный и глубоко содержательный путь развития. Резко изменилась идейная сущность грузинской литературы. Враждебное отношение к идеям пролетарской революции, националистическое засилье, характерное для значительной части грузинских писателей в первые годы революции, давно уже отошло в область прошлого. С большими боями, с трудностями, с колебаниями, но органически и по существу лучшая, наиболее творчески активная часть грузинской писательской интеллигенции сумела идейно перевооружиться. Большая часть крупных писателей Грузии сделались подлинными творцами советской литературы.

За годы революции выступил и творчески возмужал большой отряд писателей, поэтов, драматургов. Рабочий класс, комсомол, трудовая интеллигенция дали литературе много талантливых творцов. Выросли писатели, пришедшие непосредственно из практики социализма, из партийной, комсомольской, фабрично-колхозной среды. Они внесли в советскую литературу большую организованность, подлинное умение творчески, в едином процессе слить общественное и личное. Эти кадры, в своей основной части ставшие уже, зрелыми мастерами художественной литературы, заложили основу расцвета социалистической лирики, вплотную подошли к созданию больших поэтов социалистической современности, творчески утверждая социалистический реализм, как основной путь развития советской литературы.

Конечно, советской литературе Грузии еще многое предстоит сделать на этом пути. Она еще во многом отстает от практики социалистического строительства; она не лишена существующих недостатков, налицо и срывы; ряд важнейших задач нашей социалистической действительности не нашел еще отражения в грузинской литературе. Грузинской советской литературе еще много придется поработать над своим идейным ростом. Но несомненным залогом широчайшего расцвета молодой грузинской советской литературы является ее непрерывное творческое искание, ее все более и более крепнущая связь с социалистической практикой, все более углубляющееся идейное содержание и феюльное освоение большого художественного мастерства.

Огромные достижения социалистической республики Грузии к пятнадцатилетию ее существования расцвет ее культуры, литературы являются блестящим доказательством мудрости ленинско-сталинской национальной политики.

и воспитательное значение таких книг. Они вырабатывают целевое поколение молодых трудящихся, создавая возмужающие образы героев гражданской войны, воспитывая преданность родине, социалистический патриотизм, готовность отдать свою жизнь за коммунизм.

Такие книги, как превосходная 3-я часть «Последнего из Узвет» А. Фадеева, как лапидарная книга Ю. Яновского «Ведальник», ценнейший вклад в дело обороны нашей родины. Это особенно относится к книге Фадеева, где с большой художественной силой, с зрелым реалистическим мастерством показана наша партия как вождь и организатор масс на полях кровавых классовых боев. Но таких книг мало, они насчитываются единицами, а подобных им книг о современной Красной армии нет совсем. Создание их — первейшая задача советской литературы.

Это должны быть книги-снаряды, наносящие сокрушительные удары нашим врагам, силам старого мира; книги-бойцы, зовущие нашу молодежь на подвиги для защиты священной социалистической родины; книги, каждое слово которых рассчитано на миллионы читателей.

На прошлом этапе своего развития оборонная художественная литература часто грешила грубым натурализмом, особенно в батальных сценах, где расписывание натуралистических деталей и ужасов смерти на поле сражения объективно направляло читателя к фальшивым пафлистическим выводам. Этот крупнейший недостаток даже лучших произведений о гражданской войне заслуживает особо пристального внимания писателей и критики. Нам нужны книги, мобилизующие читателя, воспитывающие храбрость и самоотверженность в борьбе с врагами родины, а не пафлистическая ламентация. Смерть в борьбе за коммунизм — героична; одухотворенная высокой целью, трагедия смерти становится оптимистической. — в правильной реализации этой идеи секрет успеха пьес «Адамово» Афиногенова и «Оптимистической трагедии» Вишневого.

Обубликование замечательных указаний товарищей Сталина, Кирова и Жданова по вопросу о создании исторических учебников, выход в свет первого тома «Истории гражданской войны» — замечательного коллективного труда руководителей нашей страны, ученых, писателей и военных работников, страниц «Правды» к годовщинам исторических боев — все это дает советским писателям огромный стимул и новое направление в создании художественных произведений о гражданской войне. Великолепная, полная энтузиазма и вдохновенного труда сегодняшняя действительность Красной армии содержит изумительное богатство материалов для романов, пьес и пьес. Создадим же новые книги о Красной армии, о ее героическом прошлом, великодушном настоящем и победном будущем.

Предводительствуемая маршалом пролетарской революции Климом Ворошиловым, руководимая гением великого Сталина, Красная армия в дни своего всемирно-исторического триумфа стоит на рубежах Советской страны, готовая к бою. Вся страна приветствует вооруженную опору социализма. Пусть же горячие приветствия писателей прозвучат как обещание создать книги о Красной армии и обороне СССР, полные великой любовью к родине и твердой уверенностью в нашей победе на полях грядущих битв.

Слотом еще теснее свои ряды вокруг нашей партии, партии Ленина — Сталина.

Да здравствует доблестная Рабоче-крестьянская Красная армия!

Народный комиссар обороны СССР маршал Советского Союза К. ВОРОШИЛОВ.

РЕЗОЛЮЦИИ III ПЛЕНУМА ПРАВЛЕНИЯ ССП СССР

ПО ДОКЛАДАМ БЕЛОРУССКОГО И БАШКИРСКОГО ССП

Третий пленум правления ССП СССР, заслушав доклады тт. Климовича и Тагирова и выступившие по докладам, констатирует: Литература Белоруссии и Башкирии в результате победоносного социалистического строительства и разгрома классового врага выросла в значительную силу социалистической культуры и воспитания трудящихся масс в духе социализма. За время, прошедшее с первого съезда писателей, правления ССП Белоруссии и Башкирии преодолели работу по идейному сплочению писательских кадров под знаменем беззаветной борьбы за социалистическую родину мирового пролетариата — СССР.

Обзор творчества белорусских и башкирских писателей, данный в докладах и прениях, свидетельствует о росте мастерства писателей братских республик, о расширении тематического круга национальных литератур.

Развернувшаяся после съезда переводческая работа явилась фактором огромного культурно-революционного значения, укрепляющим дружбу народов. Для молодой башкирской литературы переводческая работа, помимо обогащения классическими образцами мировой литературы, имела и тот несомненный результат, что способствовала развитию литературного языка и повысила художественное мастерство башкирских писателей.

Пленум поручает секретариату ССП расширить переводную работу, обратив особое внимание на качество переводов, привлекая к ним лучших мастеров поэзии, прозы и драматургии.

Однако в свете стахановского движения, поднявшего всю страну на высшую ступень исторического развития, недостатки советской литературы, ее отставание выглядят острее. Это требует решительного повышения уровня мастерства писателей, значительного расширения их кругозора, творческого изучения, им советской действительности. Героизм, который стал сознательным и обычным содержанием каждого передового рабочего и колхозника, героизм, охвативший миллионы трудящихся, не воплощен еще полно и ярко в художественной литературе. Не показаны образы пролетариев-стахановцев, нет настоящего показа нового человека, героя, которому стала бы подражать молодежь страны социализма.

Значительная вина за все это лежит на критике, не сумевшей направить творчество писателей на раскрытие актуальных и боевых тем современности. В Белоруссии и Башкирии критика особенно слаба. Создание передовой, ведущей критики является особо важной задачей этих литератур.

Пленум обращает внимание всего союза писателей и в первую голову писателей Белоруссии и Башкирии на необходимость коренного перелома в деле воспитания молодого поколения писательских кадров, которое идет и уже пришло в литературу.

Пленум выражает уверенность, что на основе принципиальной, идейной критики и самокритики белорусской и башкирской литературы добьются новых значительных успехов и дадут новые талантливые, высокохудожественные произведения.

ПО ДОКЛАДАМ О ПОЭЗИИ

Заслушав и обсудив доклады тт. Суркова, Сенченко, Александровича о советской поэзии, пленум правления ССП СССР констатирует, что литература народов СССР уже имеет твердо сложившийся единый отряд талантливых поэтов. Сыны великой социалистической родины, советские поэты не имеют иных целей, кроме целей рабочего класса, строящего коммунизм под руководством партии и великого Сталина.

Любовь и внимание трудящихся страны обязывают советских поэтов работать над собой, над совершенствованием своего творчества, над расширением своего кругозора с тем, чтобы в кратчайший исторический срок создать произведения, достойные великих дел и героических людей нашего времени. Такие произведения могут быть созданы поэтами, смыслими новаторами, сочетающими в художественных образах большевистскую идейность и высокое поэтическое мастерство. Отвергая формализм и беспрепятственное экспериментаторство, отвергая упрощенчество и натуралистический примитивизм, советская поэзия будет расти как подлинно социалистическая поэзия, близкая миллионному строителю социализма. Руководящим началом советской поэзии будет требование простоты как высшей степени мастерства и народности.

Пленум считает, что советская поэзия еще отстает от нашей замечательной действительности. Причины этого отставания — в самих поэтах и в недостатках работы с ними ССП. Вот почему пленум требует от каждого поэта, чтобы он был передовым человеком нашего времени и в своем творчестве и в своей литературно-общественной деятельности.

Пленум считает совершенно необходимым перестроить работу союза так, чтобы творчество каждого поэта было известно литературной общественности, встречало неизменное внимание и поддержку, основанную на товарищеской критике и самокритике.

Особое внимание должно быть уделено молодым поэтам, чего сейчас нет и что должно быть истерично.

Слова тов. Сталина о том, что «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи», принятые всей советской общественностью с чувством величайшей радости, обязывают поэтов и критиков к широкому пропагандированию творчества Маяковского среди миллионов масс трудящихся и к внимательному и любящему изучению его опыта.

Пленум поручает правлению ССП созвать в начале 1937 года всеобщее поэтическое совещание как смотр творчества поэтов всего Советского союза.

ПЛЕНУМ ТВОРЧЕСКОЙ ДРУЖБЫ

Семь дней в столице орденосной Белоруссии работал пленум правления союза советских писателей СССР. Это был пленум демонстрации единства и дружбы братских литератур — национальных по форме, социалистических по содержанию. Это был пленум творческой консолидации, несмотря на оттенки творческих взглядов, всех сил многонациональной и многоликой советской литературы.

Могучее сознание единства всех отрядов советской литературы одухотворяло писателей и всю работу пленума, происходившего всего лишь в нескольких десятках километров от границы, от той черты, за которой ступился мрак капиталистической ночи.

Доклады писателей Белорусской и Башкирской республик продемонстрировали еще раз рост литературы в братских республиках. Первый всесоюзный съезд советских писателей открыл третий пленум правления, давая все возможности этим литературам: третий пленум правления, детально анализируя, критикуя конкретные произведения и творчество отдельных писателей, помог литературе Белоруссии и Башкирии подняться на новую, более высокую ступень. За время, прошедшее со времени первого съезда, проведена большая работа по взаимному ознакомлению с творческими достижениями отдельных республик. Интенсивная переводческая работа, развернувшаяся во всех республиках, итоги которой были частично подведены на всеобщем совещании переводчиков, свидетельствуют о том, как много уже сделано в этом направлении.

Но сделанного еще далеко недостаточно, и перед всеми организациями писателей стоит задача такой постановки работы, чтобы лучшие произведения национальных литератур сделались достоянием всей Советской страны. Следует отметить, что в прениях по докладом о белорусской и башкирской литературах доминировал серьезный и строгий подход, без всяких скидок к произведениям национальных писателей. И это единственно правильный подход. Являясь показателем творческой зрелости, выход произведений писателей братских республик на всеобщую арену означает в то же время выход на международную арену поэтому со всей решительностью должны быть отменены элементы критического захватывания, прозвучавшие в выступлениях некоторых делегатов по докладом тт. Климовича и Тагирова. Подобные выступления, продиктованные, может быть, и лучшими побуждениями, могут при свете большинства самокритики мы видим, насколько литература отстает от требований и задач, выдвигаемых эпохой стахановского движения, поднявшего всю страну на высший этап ее развития. Художественная литература ряда ведущих национальных республик, в том числе и РСФСР, не подошла еще вплотную к показу героя наших дней, стахановца, человека, подготавливающего условия для перехода от социализма к коммунизму.

Общий идейный и художественный уровень литературы все еще не соответствует уровню требований эпохи и новых замечательных людей, воспитываемых социалистическим обществом.

Особое внимание уделить пленум вопросам советской поэзии. Поэзия трех республик Союза была представлена на пленуме: поэзия РСФСР, Украины и Белоруссии. На пленум съехались лучшие поэты Советской страны.

Что несомненно положительное дал пленум советской поэзии? Положительное значение поэтической дискуссии состоит, прежде всего, в том, что внимание всех поэтических отрядов было сосредоточено на творчестве В. Маяковского, «лучшего, талантливейшего поэта нашей советской эпохи». На первом всесоюзном съезде писателей в свете доклада т. Бухарин несколько иначе ориентировал поэтов и писателей в отношении Маяковского. Назвав его «классиком советской поэзии», т. Бухарин провозгласил, что время агиток Маяковского прошло. Он ориентировал советскую поэзию на творчество В. Пастернака, как представителя «чистой» лирики. Такой ориентир был несправедлив и нанес вред советской поэзии, в том числе Борису Пастернаку, крупнейшему поэту нашей страны, чье творчество несомненно было объявлено знаком, а сам Пастернак чуть ли не главой советской поэзии. Положительное значение пленума состоит в том, что на нем был принят единственно курс советской поэзии на полную политическую лирику, на оборонную тематику. Борис Пастернак сам заявил о необходимости пересмотра направления своего творчества в смысле большего его приближения к задачам современности.

Как и на одном из предыдущих пленумов обсуждение вопросов поэзии носило дружеский и деловой характер. Это свидетельствовало о консолидации основных поэтических кадров Советской страны вокруг актуальных политических задач современности.

Поэтов объединило сознание, что перед ними стоят общие задачи: пьесы, возмущают, позвать помогать социалистической стройке, воспитанию новых людей, крепить оборонную мощь нашей страны перед лицом надвигающейся угрозы войны. И эта консолидированность советской поэзии и литературы особенно ярко бросалась в глаза на минском пленуме, вблизи от советско-польской границы.

Именно поэтому примиралась выдвигаемые докладчиками общие требования простоты и народности поэзии. Ибо стихи —

Это бомба и знамя,

и голос поэта поднимает класс.

Нало, однако, отметить, что в прениях этот центральный лозунг нашей литературы не получил достоянного развития. Вопросы борьбы с формализмом и грубым натурализмом, бытующим в произведениях некоторых наших поэтов, не был поставлен выступавшими поэтами достаточно широко и развернуто. В частности, несомненно положительный факт отказа бывших поэтов Леда от своей творческой концепции, не стал отправной точкой для развертывания принципиальной критики формалистских ошибок; между тем, такая критика имела бы крупное значение для развития нашей поэзии.

Вообще мы подмечаем недостаток самокритики в речах поэтов. Многие из них ограничивались общими высказываниями об отставании поэзии, не раскрывая причин, особенностей отставания как всей советской поэзии в целом, так особенно отставания каждого поэта в отдельности. А без этого невозможно движение вперед. Задача развертывания самокритики — основная задача всей дальнейшей работы наших поэтов и особенно поэтической критики.

ПРИКАЗ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР

№ 22 23 февраля 1936 г. г. Москва

Товарищи красноармейцы, командиры и политработники!

Поздравляю вас с восемнадцатой годовщиной Рабоче-крестьянской Красной армии.

Великая партия Ленина—Сталина, наше рабоче-крестьянское правительство, весь наш могучий народ делают все, чтобы Красная армия была хорошо оснащена, вооружена по последнему слову техники, укомплектована лучшими сынами советской земли.

Красная армия, окруженная всеобщей любовью, вниманием и заботами, крепнет и усиливает изо дня в день свою боевую мощь. Стахановцы Красной армии, наши замечательные люди: летчики, танкисты, артиллеристы, краснофлотцы, химики, инженеры, кавалеристы, стрелки, саперы, связисты, наши военные железнодорожники — бойцы и командиры всех родов оружия показывают прекрасные образцы овладения техникой, непрерывного совершенствования боевой подготовки.

Несокрушимой стеной стоит Красная армия на границах страны социализма, преграждая путь застрель-

щикам военных авантюр и стойко защищая политику мира.

Все мы, бойцы Красной армии, готовы всей своей силой, волей и умением победоносно защитить мир, честь, неприкосновенность, достоинство и труд великого советского народа. Мы будем еще более настойчиво, с большевистской энергией и упорством работать над дальнейшим укреплением боевой мощи наших рядов, добьемся еще более высокой организованности и культуры во всей нашей армейской жизни и работе.

Товарищи! Помните, что военная машина капиталистических стран сейчас работает на войну с особой силой. Красная армия должна быть всегда готова, всегда на чужах.

Слотом еще теснее свои ряды вокруг нашей партии, партии Ленина — Сталина.

Да здравствует доблестная Рабоче-крестьянская Красная армия!

Народный комиссар обороны СССР маршал Советского Союза К. ВОРОШИЛОВ.

Привет орденоносной социалистической Грузии!

ГРУЗИНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА ПОСЛЕ СЪЕЗДА

ПАОЛО ЯШВИЛИ

ПРОВОДИВ ДОЧКУ НА ДАЧУ...

Меж городом и звездами синие дымится,
И полосу особую улавливает взор.
Там тишина встречается с отголосками столицы,
Чья вереницей тянутся с проспектов на простор.
Как птицы, неизвестные природе до сих пор.

Подруга! Ясной полночью став на леса строения,
Увидишь, как торжественно стелются во мгле,
Встающая в раму луное, живое отражение,
Любуясь явлением созвездий на стекле,
И звезды светят искрами в густой ночной золе.

Лучи блещут над вузовцем, наборщиком, героем,
Прошедшим сквозь великую гражданскую войну,
Над поздними прохожими... Все говорит: мы строим,
Заменивша месяцем известки белизну
И к небосводу грохот шлем в обмен на тишину.

И бригадиром домой спешит к водопроводным струям,
Он полоннее влажное жене передает
И оларает спящего ребенка поцелуем...
А безработный в Гамбурге, открыв газопровод,
Себе и сыну в легкие дышащие смерти льет...

И дочь на дачу проводив, поэт в сады идет,
И стик Большой Медведицы ложится на блокнот.

Перевел с грузинского
БОРИС БРИК

КАРЛО КАЛАДЗЕ

МХЕДРУЛИ

Не из грустных, не из нежных,
Мы рождены для горных свинов,
Восстали в бурках мы осужденных
И каждый грозен и отважен.

Ушла бы старость ныне горей,
И стали бы вечными удалями
Для нас отчаяние и горесть.

Когла б гурами горделивыми
Повержен не был хищный недруг,
Когла бы гудими разрывами
Все не гремяло в горных недрах.

Воскресе племя, заслоненное
От взоров мира снежным краем.
Звенит ушедшее песня конная,
И ныне трунами не аяжем...

Ключами разными мы воевали,
Но под орудом стремимся кровью.
Разноцветные мы войны,
Но оборатимся—вольной кровью.

Теперь в засаде между скалами
Врага не встретите в горах вы.
Мы мчимся братьями удалыми,
Как волны пенные Аргави!

Боевая конная песня.

Мы взором вглядеть глядим восторженными,
Взойдя гурьбой на горный гребень,
Рисастанным в полете коршуном
Волна кидается на шею.

Затенено хребтом до темени
Визну селение Лашиари.
По рекам гор в эвкратной темени
Потоки крови побежали.

Из плоти той же самой сплелись,
Мы по нагорям встали снова,
Жизнь кровью горная, свирепее
Ожесточения речного.

Нас не попортят пятой надменюю
И не зальют потоком крови
И незнакомые с жеманюю,
Срослись мы с краем по-сыновью.

И как расцелить, не ласковыи,
И уничтожить нас не смогуи,
Доколь в тени хребта кавказского
Аргави слышен будет хохот.

Теперь в засаде между скалами
Врага не встретите в горах вы.
Мы мчимся братьями удалыми,
Как волны пенные Аргави!

Перевел с грузинского
БОРИС БРИК

Особенно значительные успехи име-

ем мы в области драматургического творчества. В репертуар наших академических театров включены новые пьесы: С. Шанишвили — «Арсен», И. Вакели — «Шамаль», П. Какабадзе — «Бахтриони», В. Габаскрия — «Урта» и др.

Ш. Дадвани, кроме драматургического монтажа из произведений И. Чавчавадзе «Сломанный мост», с большим успехом идущего в театре им. Марджанишвили, работает над новой оригинальной пьесой. Г. Бавазов написал новую пьесу на жизни трудящихся евреев. После пьесы «Не вытравляй на лица», он еще раз доказал свою творческую активность. Заключает новые пьесы А. Машавили и К. Каладзе. В репертуар текущего сезона включены оригинальные комедии И. Мчедришвили «Онабуауна». Новые пьесы написал Г. Бухианишвили, П. Самсонидзе и др.

Никогда наши драматурги не работали так эффективно и успешно. Мы даем только перечень, и то неполный, творческой продукции последователей периода. Оценка и всесторонний анализ этих произведений являются задачей всего коллектива нашей литературной критики.

Было бы неверно утверждать, что все перечисленные нами произведения являются полноценными и что все они в одинаковой степени по своим идейным и художественным качествам стоят на уровне задач, поставленных перед советской литературой.

В борьбе с осколками умирающих идеологий и идеями реакционной идеологии в литературе, основная масса советских писателей Грузии еще теснее сплотилась вокруг партии пролетариата.

Характерно, что именно за этот год выдвинулся в грузинской советской литературе талантливейший молодой писатель, из числа которого некоторые уже завоевывали достойные места в первых рядах советской литературы (Мосе Гвасалия и др.).

Мы хотим подчеркнуть, что большинство указанных произведений грузинской советской литературы, в том числе и творчеством молодого писателя, мы даем к пятидесятилетнему юбилею советской Грузии.

Закрепляя эти завоевания, советские писатели Грузии всемерно усилили борьбу за полное преодоление отставания советской литературы от темпов и размаха нашей великой эпохи.

БЕСО ЖЕНТИ

Дружеский шарж Н. Зданевича.

ПАРАД ГРУЗИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Слева направо: С. Зули, П. Самсонидзе, П. Яшвили, Н. Лордкипанидзе, С. Чиковани, Т. Табидзе, Г. Леонидзе, С. Шанишвили, И. Гришашвили, М. Джавахишвили, С. Кидвашишвили, К. Гамсахурдия, А. Кутателли, С. Гветадзе и др.

«После съезда литература станет живой, она поднимается на новую ступень. И будущий историк литературы конечно будет вести литературное летоисчисление от и до первого съезда советских писателей», — говорил тов. Сталин в своем выступлении на первом съезде советских писателей СССР.

Прошло полтора года после съезда, и уже сейчас, на основе анализа творческой «продукции», накопившейся за этот промежуток времени, можно утвердительно сказать, что в советской литературе намечаются огромные сдвиги, что она действительно поднимается на новую, более высокую ступень идейной насыщенности и художественной полноценности.

Съезд, на котором лучшие представители советской литературы встретились лицом к лицу с лучшими людьми эпохи, с представителями всех прослоек неизмеримо выросшей читательской массы, внес в сознание советских писателей не только чувство огромной ответственности — дать достойное отражение этих замечательных людей и их героических подвигов, но и твердую уверенность в колоссальных творческих силах и возможностях литературы, растущей в стране строящегося социализма, окружающей небывалой любовью и вниманием миллионов.

Советские писатели после съезда вернулись к своим творческим станкам с чувством повышенной ответственности, повышенного требования к себе. Они стали глубже и тщательнее изучать материал, они обратились к узловым проблемам нашей эпохи, они поставили перед собой задачу поднять качество художественного слова до уровня, соответствующего размаху социалистической действительности и глубине идей революционного класса.

И сейчас мы становимся свидетелями рождения целого ряда новых произведений, говорящих о большой творческой активности основной массы советских писателей, о последовательном росте художественного мастерства, о дальнейшем углублении и расширении процесса сплочения советских писателей вокруг задач социалистического строительства.

И в области прозы, и в поэзии, и даже на таком, до последнего времени остававшемся в стороне грузинской советской литературы, как драматургия, мы имеем достаточное количество фактов, подтверждающих это положение.

Мы не задаемся целью дать полный, развернутый анализ произведений, написанных за последний период грузинскими писателями. Укажем на некоторые из них.

Писатель Демна Шенгелая, кроме целого ряда рассказов, построенных на исторической тематике и исполненных с беспорочной точностью языкового и композиционного мастерства («Имам», «Башкалар» и др.), начал печатать новый роман «Степелла». Роман, отражающий жизнь и борьбу рабочего коллектива тифлисского вагоно-ремонтного завода, рисующий образ женщины-инженера и показывающий новые ладские взаимоотношения, является первой серьезной попыткой этого автора дать произведение в плане реалистического во-

сто поднятия лирической стихии, раз-

рашились от традиций символистской поэзии, полным голосом воспевают буни гигантского роста советской Грузии. Новые стихи С. Чиковани «Черезбас Риона», «Осьви в Кахети», «Вена» и др. являются характерными в смысле органического прочувствования и конкретно-образного отображения действительности. Паоло Яшвили, работая над большой поэмой, опубликовал ряд стихов («Первый поселенец Кокхали» и др.), насыщенных свойственным этому поэту пафосом, искренности, отличающейся четкостью и цельностью формы. Глубокой замысла и тонкостью мастерства отмечены новые стихи В. Габаскрияшвили. Яркость, точность и радостная эмоциональность характеризуют произведения Г. Леонидзе, А. Машавили продолжает работу над поэмой «Нигур», впечатляющие главы которой показали, что автор создает широкое поэтическое полотно, показывающее характерные моменты роста социалистической индустрии в Грузии. Карло Каладзе дал книгу стихов об Алжаристане, разложил одновременно над второй частью поэмы «Учартиони». Стихотворение С. Зули «Воздух у матери» и ряд стихов по последовательной борьбе представителей первого поколения грузинской пролетарской поэзии за углубление поэтического мастерства.

Систематически помечались в нашей периодике стихи Г. Качахиладзе, в которых этот весьма яркий и вдумчивый поэт из молодого поколения грузинской советской поэзии дает своеобразное лирическое изображение борьбы за советские субтропики, за превращение коллишских болот в цветущий край советской Флориды.

Активную творческую работу продолжал этот период Ио Мосашишвили (который, кроме ряда лирических стихов, работал над продолжением поэмы о Кедской коммуне), А. Кутателли, В. Горадзе, Ш. Абхазидзе, К. Нандрадзе и др.

На поэтическое молодяжка особенного внимания заслуживает Г. Абашидзе, давший за последний период ряд ярких и бесспорно талантливых стихов.

С книгами стихов выступили Г. Цецквалидзе, В. Джуришвили, К. Бобохидзе. Говоря об активизации и творческом подъеме на поэтическом фронте, особо следует отметить цикл стихов Никола Мичишвили «Новая площадь». Эти стихи отличаются глубиной мысли, остротой и широким охватом проблем, сложными историческими аналогиями и упорной работой над каждой деталью поэтической формы.

В ближайшем месяце начнут печататься новые романы ряда видных грузинских прозаиков. М. Джавахишвили пишет роман из жизни грузинской интеллигенции периода между двумя революциями (1905—17 гг.). П. Сакварелидзе готовит книгу на цикл произведений, показывающих революционную борьбу рабочих и крестьян Грузии против власти капиталистов и помещиков. Константин Лордкипанидзе заканчивает вторую книгу романа «Долгой кукурузной полевинке». А. Кутателли работает над второй книгой романа «Днем к лицу». Богатый и интересный материал собрал Лео Кидвашишвили для нового произведения, отражающего нынешний этап строительства социалистической деревни.

Такой же творческий подъем и активизация наблюдаются на поэтическом фронте грузинской советской литературы.

Даже такие поэты, как И. Гришашвили и А. Абашели, которые до сих пор как будто не находили красок и мотивов, созвучных нашему времени, дали за последнее время ряд ярких стихотворений, которые и по тематике и по поэтической технике бесспорно входят в актив советской поэзии.

Новые стихи Галактиона Табидзе говорят о том, что творческая сила этого замечательного поэта достигла своего полного расцвета.

«За орденоносную родину» Тифлиса Табидзе свидетельствует о том, что

КРОВНИКИ

Серго КЛДИАШВИЛИ

Отар сразу проснулся.

На его постели сидит человек и смотрит на него.

Отар со страхом взглянул на человека.

— Сок это, что ли? — не мог понять.

И, правда, похоже было на сок. Не раз раньше пугало он, когда ему мерещилось это лицо. Нет, на этот раз это уже не сон. Рядом с ним сидит Оман Маргиани, боась места которого он покинул свой очаг и родные горы.

Как видно, трудно уйти от смерти, в конце концов она все же настаивает тебе, где бы ты ни прятался.

Больше года прошло с тех пор, как старший брат Отара уйдя старшего брата Омана. Убийца бежал от места и суда, перебрался через неприступные горы, направляясь в Карачай, но где-то по дороге погиб, свалившись в пропасть. Ни об одном из них не пожелала деревня. Оба были отчаянные горцы, и никто не удивляло, что так кончили они жизнь.

Убийца был мертв, но на этом не успокоилась семья и род покойного. Кровь оставалась неотомщенной.

Отар знал — теперь будут мстить ему, и бежал, спасаясь от смерти. Он покинул дом и скрылся в далекой равнине.

На равнине Отар работал поденно то землеманом, то дорожником, рыл канал в колхозских болотах. Работая в Гурни на чайных плантациях, он встретился со своим земляком и узнал от него, что Оман Маргиани тоже ушел из деревни.

— Верно меня ищут! — подумал тогда Отар.

был он ко всем и ко всему. Видел, как охоты работают и радостно жидут кругом него люди, сам же валил леску по заброшенному где-то высоко в горах оягу.

Скитаясь таким образом, он забрал на завод, выстроивший около небольшого городка на равнине. Пришел он туда такой же равнодушный, как всегда. И на это новое место смотрел он как на временное убежище от смерти.

Его приняли на работу и указали ему жилище. Когда его ввели в комнату и дали постель, некоторое время он был доволен. Кроме него, тут жило еще трое рабочих. Чужие были они ему и все же встретили ласково. Отару показало, что он в безопасности и может остаться тут долго.

В окно увидел он освещенную электричеством территорию завода, чужие, полные движения, огненные печи. Жизнь бесостановочно кипела кругом, и шум ее еще больше успокоил его.

И вдруг исчезла всякая надежда. Одну только ночь провел он споконно. Утром его повели на работу. Вернувшись усталый, он заснул, и вот теперь очел он проснулся, в глаза ему смотрел тот, встречи с кем он так боялся и от кого бежал. Оман Маргиани, когда-то друг, был для него теперь только братом убитого, и Отар знал, что он пожелал кровью отомстить за брата.

— Отар, слушай! — позвоя его сильными руками Оман, что-то провороботал, засмеялся.

Отар чувствовал, что это была радость злора, который сперва тишился закаткой у него в лапах жоржир. Молча лежал в этой радости, чувствуя, что он ушел от смерти, и что он должен был отомстить за кровь.

— Отар! — торжествил его Оман, — Отар! Мне сказали, что здесь какой-то сван. Принесди, увидишь тебя. А тут и ты проснулся собрался, глаза открыл...

В углу лежал седой рабочий и чи-

тал. Громкий говор заставил его прервать чтение. С улыбкой оглянувшись, он пробурчал:

— Заглядели сваны! Что, земляки встретились?

В его голосе Отар услышал сочувствие той радости, которую выражал Оман. Наемной показался ему слона рабочего. Откуда ему знать, как изберал Отар этой встречи!

— Может, ты слышь хочешь? Тогда спи, спи! — Оман приставил. Но затем снова уселся, схватил его за руку, потреп, заставил приподняться.

— Довольно спать, после успешья. На работу опоздаю. Не могу жать. Идем со мной... Откуда, куда? Какой ветер запер тебя сюда?

Отар покорно пошел за ним. Вышли из дому, Отар ощутил осеннюю прохладу.

Ветер разносил по окрестности звуки заводского гула.

Оман торжествил шел к заводу. Отар покорно следовал за ним. Прошли жилище корпуса. Прошли заводский сквер и маленькую площадь. Откуда начинались чужие шумевшими моторами, а внизу были печи. Слышалось гудение кипильной массы марганцевой руды. Вырывавшаяся из печи красное пламя вторжилось во тьму потер, расставившихся за заводом.

Оман рассказывал о себе, но не все слова его доходили до сознания Отара. Его мучили собственные мысли. В памяти оставалось только то, что Оман тут уже девять месяцев, сначала же он поставил на земляные работы, затем перешел в печь, теперь же он работает у печи.

очевидно, оставшуюся после про-

шедших праздников. Тогда враг была украшена цветами, теперь же на ней висели привязанные веревкой высокие стебли да с одной стороны обрывок вылинявшего под дождем и солнцем плаката. Из какой-то комнаты корпус да него несладко звуки пифона и веселый смех. Но отгнетнее всего слышал он гудение печи. На зов тучной топки было оно похоже. Отар знал, откуда шло это гудение, и удивлялся тому, что так гудит руда, так звучит свист черной земли.

На другой же Оман зачитал Отара в свою смену и перевел его в свою комнату.

Отар покорно согласился.

— Чего приуныл? — смеялся над ним Оман. — Или работа трудная? Огонь жжет, жары не переношишь? Он взглянул на него, улыбаясь.

— К прохладной земле привык ты. С топором да сохой лучше справляешься. И походка у тебя такая— словно жидельный свин на себе тащишь. И я такой был...

Отар заметил, что Оман и вранду изменился. Не только потому, что не было на нем чохы да войлочной шапки. Стояно и движения у него другие стали, словно и голос переменялся. Во великом случае, не тот язык был он, что раньше, в горах.

В свободное время Оман уходил с собой Отара побродить по ближайшим холмам. Видел Отар, как весело забегал на горку Оман. За ним твердо поступью горца, напратая свои сильные мышцы, стелевал Отар.

Ничто тут не напоминало Отару родной стороны. Таких маленьких городок он там и не видел. Единственно, что давало его взгляд, это— дубовый лес на склонах.

Оман садился на вершине горки, окатывая взглядом поля, сползающую в долину реку и напевая задушевно с гитарой песенку.

— Иногда так тянет меня в горы, так хочется в каком-то доме побродить.

— Да, скоро наступит весна! — подтвердил Оман и коварно взглянул на него: — Так сокрупило скала, — стоишь один, словно тебе уйти хочется...

— Нельзя мне идти туда! — сказал Отар.

Оман взглянул на него. Затем согласился.

— Правда, нельзя.

Они погляди друг друга.

Вид у Омана дома остался отец, еще крешкий сван, неутомимый охотник.

— На мне кровь! — сказал Отар.

— Да, кровь! — подтвердил Оман. — Я нокал тебе тогда... Коли б встретил где...

Он сильно ударил ногой о камень. Камень сорвался и с шумом покатился по откосу, увлекая за собой мелкий щебень.

лилось дерево и словно кровью на-

писал ветви.

— Да, скоро наступит весна! — подтвердил Оман и коварно взглянул на него: — Так сокрупило скала, — стоишь один, словно тебе уйти хочется...

Оман был прав. Душа Отара тянулась к дому. Он опустил глаза земли, в ложбинах холма таяли остатки снега, зашумели овраги, и в этом шуму слышался ему голос гор. Родная земля звала.

— Еще нельзя тебе вернуться! — сказал ему Оман.

— Нельзя!

В этот день отя, как всегда, вышел вместе на работу. Оман принял смену и устал у печи на своем месте.

Он смотрел, как плавился ферроматрием, провалов его электрическим старжем. Красной струей лился расплавленный металл. Так же гудели в соседней печи.

Вдруг Оман заметил сматывае на верхней площадке и сейчас же увидел — кто-то топнул на себе огонь. Перепугавшись, завальщик отошел, напугав, оперся о железные перила, не удержавшись и свалился вниз. Он упал далеко от Омана и, ударившись при падении о чугунную колду, лежал неподвижный.

Первый подбежавший к нему рабочий схватил его за руку и поднял ему голову. Упавший был без сознания. Тогда Оман поспешил созрл с себя очки.

Оман покорно лег рядом с умир-

ающим и протянул руку обожженную гуту. Он же почувствовал, как перебивалась его кровь в тело Отара.

Итак только, что он возвратился к жизни человека, с которым вместе с детства любилась одними и теми же горами, одним и тем же небом, который знал те же песни, что и он. Одно солнце согрело их, одна земля вскармила и вспола их.

Сладкая дремота овладела Оманои. Он забылся. Знал, где он, но видел свой белый дом, темный и закопелый. Потом увидел самого себя. Стоит он и смотрит, как он же сам идет по горной тропинке. У родника с жалостью наполнил холодной водой. Затем снова показался дом. Исно услышал язык собаки и снова голос. Как будто то был его отец, как будто мертвый брат звал его. Гневно кричал ему. Когда сознание его прояснилось, он услышал язык.

Рядом на постели спал Отар. Оман уставился на его бледное лицо и подумал:

— Жив будет!

На стене Оман увидел большой портрет. Такой же портрет небольшой, в красках, был и у него. В заводской лаке кинул он его и прибил гвоздиком у постели. Это лицо знакомо ему. И раньше много раз видел он его в кооперативе, в сельской школе. На праздниках, как знамя, несли его. Бели бы он встретил его где-либо, конечно, сразу узнал бы. Сила, мудрость и спокойствие выражали эти глаза. Смотрящий на них и чувствовал себя мужественнее. Это голоса, голоса живого человека не слышал он еще, но голос этот доносился до него в гуде заводов, в гудении струе плавящегося металла и в беспорочных голосах рабочих. Этот голос слышал он в слухх лезущих горях и слышал его и теперь в тыканьи вернувшегося к жизни Отара.

Когда утром Отар открыл глаза, Оман с радостью увидел, что его друг заметно лучше. Он принес на его постель и ласково глядел на него.

— Теперь-то уж на самом деле тебе мой кров! — засмеялся Оман. — И не мало!

Переливание крови оказалось необходимым.

Перевела с грузинского
СОФЬЯ КВАТРАРАДЕ

ПРЕНЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ О ПОЭЗИИ

ЗА НОВАТОРСТВО МАЯКОВСКОГО

РЕЧЬ тов. М. ГОЛОДНОГО (Москва)

М. Голодный

Товарищи, последние статьи в «Правде» еще раз остро ставят вопрос о новаторстве в искусстве, и мне кажется, что к поэзии это относится не меньше, чем к живописи и музыке.

Вся история поэзии с наглядностью показывает умешному видеть, что всякое новаторство существует не само по себе, но связано с миром или той или иной эпохой.

Поэты-новаторы, живущие ради самого новаторства, всегда и везде оставались на вторичном дне поэзии и никогда не были поэтами миллионеров.

Новаторы, творения которых в области слов не происходили из внутренней необходимости времени, а держались на произволе той или иной группы или школы, не могли принести ничего нового ни человеку, ни поэту, ни поэзии.

Поэтому я считаю своим долгом заявить здесь, что я стою за новаторство Пушкина, Некрасова, Маяковского и буду бороться против проходимцев-новаторов типа Бенедиктова, Сервантеса, Бальмонта. Я буду бороться за философские эстетические взгляды, а следовательно и вкус Добролюбова, Чернышевского, Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, против импрессионистов и пуантистов в критике, борющихся за старое, за мертвое, за мелкое, за жалкое.

Некоторые критики, борющиеся за мертвое вообще, за хорошие стихи вообще, за вкус вообще, за новаторство вообще, за эстетику вообще, не могут скрыть за абстракциями своей борьбы за поэзию проходимцев, за поэзию вторичного дня.

Товарищи, в докладе т. Суркова цитировалось письмо Алексея Максимовича о том, что проблема перестройки интеллигенции в современ-

дельно принципов и вкуса, дела и слова, мечты и действительность, обществу и личности.

Перечитывая эту небольшую по количеству, но богатую социальным содержанием поэзию, мы встречаем в ней то зерно будущего, которое востановит миллионы. Та же «эстетика проходимцев», которая решит для себя окончательно и бесповоротно приходить к борнам за дело Ленина — Сталина, должны будут не только менять свои принципы, вкусы и убеждения, но и менять принципы своего новаторства, средства своего выражения и поэтому не смогут пройти мимо достижений этой поэзии. Стихи Пастернака в «Известиях» снова укрепляют меня в этой мысли.

Товарищи, в нашей поэзии происходит борьба мировоззрений, скрывающую которую нечего.

Поэты, прикрывающиеся новаторством, пытаются удержаться на позициях старой эстетики, используя свой авторитет против каждого несогласного с их убеждениями. Принимая коммунизм за частный, они видят только частности, обобщают мелочи, угадывают облик, главное, типическое, непреходящее, без чего не может быть поэзией социалистической поэзии.

Но не может быть большой поэзии эстетической и драматической без понимания движения и без понимания души нового человека, пролетарского государства, без знания его характера.

Поэтому я твердо знаю, что будущее будет за теми, кто серьезно, окончательно и навсегда пойдет по пути единственно правильной коммунистической поэзии и за нами, вождем тов. Сталиным, подлинным вождем поэзии на несравненно высокую.

П. Бровка

НАДО УЧИТЬСЯ

РЕЧЬ тов. БРОВКА (Белоруссия)

За новаторством таких писателей, как Яна Купала и Якуб Колас, молодым белорусским поэтам не у кого было учиться. Они учились у русских мастеров и у мастеров Советской Украины. Самые опытные были учителями Владимира Маяковского.

Но каждый поэт должен иметь свою поэтическую индивидуальность. Часто поэтической индивидуальностью называют всякое формалистическое патронимичное непонимание. Конечно, не все то искусство, что абсолютно непонятно широкому массам. (Голос из президиума: Правильно.)

Несколько слов, товарищи, об учебном вопросе. В 1930 и 1931 гг. большинство наших белорусских и много русских и украинских поэтов болели риторикой.

Сейчас поэзия Советского Союза все больше и больше присущивается к большому дышанию поэзии. Существует мнение, что современные явления, которые еще не сложились, в стихах нельзя отображать. Это — вредная теория. Когда поэзия рукой живописцев была превращена в живопись, Сергей Миронович Киров, со всех углов необъятного Советского Союза посещался стихотворениями. Белыменицкий, Голодный, Сурков, Александрович, Прокофьев, Коринков и другие написали свои стихи, когда страна только что одевалась в траур. В стихах этих отразилось большое чувство скорби своего народа.

Мне хочется указать на вред ранней профессионализации писателей. Вред ее в том, что она мало отражает писателя от среды. Вредным является еще и то, что почти все наши писатели и поэты собраны в нескольких больших центрах Союза: в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Минске, Тифлисе, Эривани и других столичных городах. Часто богатства огромной нашей страны лежат вне их внимания. Михаил Шолохов — пример того, что можно быть прекрасным писателем, не живя в столице.

В этом смысле приобретает большое значение опыт обмена бригадами писателей. Бригада грузинских писателей посещала белорусских писателей с грузинской литературой. Армянский поэт Нарин Зарьян поздравил нас с армянской литературой. Приезд русской бригады помог нам в нашей работе.

К стыду нашему надо сказать, что очень мало произведений братских литератур переводится на белорусский язык. Такие поэты, как Иэн Харис, Кузьма Аксельрод, Тейф и др., должны были быть достаточно знакомы белорусскому народу, а между тем они не переведены.

ВЕРШИНЫ МИРОВОЙ ПОЭЗИИ

РЕЧЬ тов. Е. МУСТАНГОВОЙ (Ленинград)

— Я хочу поставить один вопрос, который в докладе Суркова был назван, но остался у него в качестве общей предисловия, ни к чему не обязывающей доклада в его конкретности.

Именно в виду вопроса о нашей советской поэзии как наследнице всей предшествующей ей мировой поэтической культуры.

Как в многолетних наших критических работах и статьях изображалось обычно развитие советской поэзии? Начиная с истоков протарарской поэзии она в условиях капитализма. Эти истоки лежали в стихах «рабочих» поэтов 90-х и 00-х годов — Шкелова, Печенева и др. Причем такой факт, как безразлично-индивидуальный характер этой поэзии по отношению к народничеству поэзии, эпиграммический не только в смысле формы, но и по содержанию, нисколько не смущал наших исследователей, провозглашавших в то же время, что советская поэзия является итогом всего предшествующего поэтического развития.

Если поэзия протарарская, наша советская поэзия действительно наследует все предшествующее поэтическое развитие, то, конечно, не в Шкелове и Печеневе нужно искать ее истоки.

Если проводить здесь аналогию с взаимоотношением философии протарарской с предшествующим развитием философской мысли, то нужно помнить о том, что эта философия выросла не из кастовых «рабочих» теорий, а из вершин предшествующей философской, экономической и исторической мысли.

Все мы очень хорошо помним лекции Фоминина о творчестве исторической марксизма. Мы знаем, что Маркс и Энгельс неоднократно критиковали попытки некий теоретические истоки марксизма в кустарных «рабочих» теориях.

Вспомните марксовскую критику теории Вейтлина. Вспомните ангельскую критику поэзии так называемого «истинного социализма».

Я думаю, что и наша советская поэзия в ее действительном революционном развитии, тех явлениях, которые являются в развитии всей мировой поэзии, которые движут вперед наше революционное искусство, эта поэзия является действительно вершиной предшествующей поэтической истории.

Путь к этой поэзии лежит через вершины поэтической истории, через Пушкина, Некрасова, Блока, Маяковского, через все то, что сделало творчество этих поэтов достоянием не только их эпохи, а и последующих эпох.

Не случайно, что Маркс и Энгельс свои высказывания об искусстве всегда обосновывали материалом таких гигантов, как Шекспир, Байрон, т. е. опытом писателей, которые создавали образы своей эпохи, возмездием на самую действительность и в то же время двигали вперед развитие искусства.

Критики, на протяжении многих лет критиковавшие Маяковского за те ошибки, которые у него были, проглядели ту огромную выработку и революционную силу его стихов, которая сокрушила врагов революции, в то же время дала вперед развитие поэзии.

И мне кажется, что в этом смысле, не сделаны еще все выводы, так же как и той высокой оценки Маяковского, которая дана Сталиным, как не были сделаны нашей критикой все выводы из лекционной критики исторической протарарской поэзии. Нельзя бороться здесь за Маяковского, тов. Сурков, не понимая того, что массовость в понимании Маяковского была полемическим заострением против поэтического популяризма (Апподисменты), голоса: «Правильно».

Когда Маяковский боролся против врагов революции, то его шел на них не с ветхим луком и стрелами, а с оружейными танками, бронепоездами стихов. Я прошу забыть меня за это несколько напыщенный образ, но я не умею говорить образами, это

случайно вырвалось у меня. (Апподисменты).

Удар Маяковского по врагам революции отдавался очень многосторонне: он давал форму поэзии, он давал форму поэтического бытия, менял сам тип поэта, его общественное поведение, вплоть до изменения внешней графики печатания стиха.

Удар Маяковского по врагам революции был одновременно ударом по вражеской рутине в искусстве, был фактом перестройки всего поэтического движения. Поэтому Маяковский перепахал грядку нашей советской поэзии и стал фактором движущим вперед всего мирового революционного искусства.

И вот мне кажется, что если бы тов. Сурков в своем докладе не объявил о положении о советской поэзии, как итог всего предшествующего поэтического развития, а продолжал бы хорошо это положение, ему не нужно было бы таким изысканным тоном говорить о Пастернаке.

Я хочу на этом вопросе остановиться несколько подробнее.

Во всех критических высказываниях и докладах, когда дело доходит до Пастернака, критики сразу считают необходимым менять тон своего повествования. Вместо делового разговора начинаются всякие уважительные перебранки. В течение многих лет критика веда себя так, как будто Пастернака совсем не существовало. Потом разговор молчаливо был нарушен, стало ясно, что Пастернак через голову критики вошел в обиход нашей поэзии. Тогда стали появляться всякие уважительные речи о Пастернаке, не менее уважительные, чем молчание. Не упоминать о Пастернаке стало дурным тоном. Но, наконец, серьезно, по-деловому поставил вопрос о том, почему поэзия Пастернака, поэта, которому в течение многих лет критика представляла самые разнообразные обвинения — от солипсизма и до смущения, застенчивости (смех, бурные апподисменты), оказала такое большое влияние на нашу поэзию? При этом в рутине, далекой от камерных, лирических масштабов, а в эстетическом русле нашей поэзии. Огромное количество наших поэтов, обращаясь к поэме, к

большой форме, прошли через Пастернака. Вспомните хотя бы «Моя Африка» Коринкова или поэму Ленинградского молодого поэта Кожухов — «Фольклор Дарвинизма». Можно привести целый ряд фактов. Все эти поэты прошли через Пастернака, через интонацию «1905 года», «Лейтенанта Шмидта», «Высокой болотности» и особенно «Декларацию».

Формулами Суркова о «связи товарищеских объективных переживаний» о поэзии творческого нематериализма в «бытии» здесь ничего не объясняется. Без этого если и имеет какое-то отношение к Пастернаку, то очень косвенное, ничто не объясняющее его существование, как если объяснять всю науку-инженерию на форму соловья, в который он налетит. Это косвенное определение, не охватывающее осязательного.

Поэзия Пастернака, стихи его последних лет, его цикл «Возни», приходящие к этому циклу стихов, написанные в «Известиях», это напряженное и открытое поэтическое осмысление поэтом современности, разговор поэта с временем и с самим собой по поводу, совсем не узким личным, а связанным с большими проблемами нашей действительности.

Это «вместительность» возмущения в своих объективных формах мышления, своеобразных Пастернаку, меняющихся вместе с новым кругом размышлений поэта, с новыми темами.

Тип отношения Пастернака к большому тематическому алоху по существу гораздо более активен и ответственен, чем тот тип отношения, при котором поэт деловыми словами перекладывает готовые формулы. Это — изложение, не отягченное своим отношением и заинтересованностью. Самая формула у многих поэтов, работающих таким методом, может быть и правдивой, чем у Пастернака, но она не стала у них поэзией, а следовательно не стала действительной, осталась мертвой.

Я считаю, что в поэтической работе Пастернака есть много спорного. Во многом он работает на отработанный уже им самим поэтический инерции. Но надо критиковать его по-деловому. (Продолжительные апподисменты).

Дружеский шарж Куркиным.

Е. Мустаганова

ПРОТИВ ФОРМАЛИЗМА

РЕЧЬ тов. А. СЕЛИВАНОВСКОГО (Москва)

— Большие вопросы встают перед нами ввиду полного осуществления бесклассового социалистического общества — вопросы социалистической культуры, социалистического искусства. Мы по-новому подходим к некоторым, казалось бы, прежде решенным проблемам. Естественно, что и вопрос об остатках формализма в этот чрезвычайно ответственный момент развития нашего искусства также встает перед нами с новой остротой.

Плеуму совершенно правильно поступает, когда говорит о всех спорных вопросах напругим. Именно так и нужно говорить об этом — о указании адресов, безо всякого дипломатичности. Вчера плеум встретил и проводил с этой трибуны Н. Н. Асеева дружными аплодисментами, как одного из талантливейших и любимейших поэтов нашей страны. Речь Н. Н. Асеева была не только декларативным заявлением о необходимости преодоления пережитков «лефовщины». Несомненно, что в течение последних лет творческая практика Асеева пришла в обаяние противоречие с остатками «лефовщины» теоретических взглядов. Н. Н. Асеев упомянул о трех на этих пережитках. Я хочу напомнить их об одном, а именно Асеева «Велемир» написанной в порядке обслуживания в первом номере журнала «Литературный критик».

Статья «Велемир» написана с той прямотой и устремленностью и убежденностью, которые обычно присущи выступлениям Асеева и составляют их силу. Но та точка зрения, которую Асеев в этой статье развивает, неверна и опасна для советской поэзии.

Речь идет о том, что Хлебников в представлении Асеева стал типом, символической фигурой, выражающей многообразие творческих ресурсов социалистического народа. Речь идет о том, что Хлебников превраща-

А. Селивановский

завуюем огнем, произведет многозначные боковые опыты над словом. Во что бы то ни стало нужно было раскрепостить рифму, разбить строфу, перевести стиль из докучных добрей мелодии на интонацию, но и сейчас недаром возникли в поэтической среде разговоры о простоте поэтического языка».

Было бы совершенно необходимо, чтобы поэтическая критика своевременно, глубоко и правильно обобщала новые факты и тенденции поэзии. Но после всеобщего съезда советских писателей поэтическая критика, мячю говоря, не находилась на большой высоте. Некоторые положения высказывались на съезде, выслушанные и умы не только этих поэтов, но и других критиков. Одним из наиболее продуктивных поэтических критиков стал за последнее время тов. Мирский.

Он обладает качеством, которого лишены многие критики: он хорошо знает факты. Но последнее — стал за взглядом — последние полтора года критической работы Мирского, переходя от одного положения к другому, прямо противоположному, тов. Мирский неправильно ориентирует советскую поэзию.

Нельзя сегодня говорить о Прокорьеве как о физкультурнике в поэзии, а через месяц отвлечь от сказанного. Напротив, тов. Мирский начал здесь защищать Пастернака от которого из нас Пастернак — большой поэт. Его любят многие и любят заслуженно. Но и Пастернаку нужно прямо говорить правду. Не нужно его льстить.

Мирский говорил здесь о необходимости для критики обладать вкусом. Но вкусом обладает только талант. Нам плеуму надо развивать ориентацию всякой советской поэзии. Нет более важной и серьезной задачи, стоящей перед нами, чем борьба за всемерную полноту выявления, роста, развития социалистических качеств советской поэзии. (Апподисменты).

О ФОРМАЛИСТАХ И „ОТСТАЛОМ“ ЗРИТЕЛЕ

В. КЕМЕНОВ

Книгу отзывов о картинах художника Фоминина посетители выставки читают все, с начала до конца, с возрастающим интересом. Во всех отзывах сквозит горячая полемичность, чувствуется ожесточенная борьба двух противоположных точек зрения. Вот несколько выписок:

«Без художника сам понимает то, что он пишет, то его счастье. Большинство зрителей ничего непонятно».

«Эта выставка непонятна только людям низкого культурного уровня. До них Фоминин не доходит».

«Наша потомки будут изучать по надпискам Фоминина, куда зашла «сам» в изобразительном искусстве».

«Никакой зауми здесь нет... Фоминин — большой и очень талантливый художник, находящийся под большим влиянием французского искусства».

«От выставки ждали очень много, но получили ровно ничего, это искусство не для широких масс, а для избранных».

«Не все могут оценить по достоинству это тонкое творчество. Но и художник должен идти навстречу широкому вкусу» — пишет некий «искусствовед».

«(Пусть, дескать, «тонкое творчество» остается уделом избранных, а для народного вкуса сойдет что-нибудь полегче)».

Как видно, и поклонники и противники Фоминина сходятся на том, что его искусство недостаточно массам. Дальше мнения резко расходятся. Одни считают, что художник отстает от масс, другие, наоборот, требуют, чтобы массы сами дошли до понимания живописи Фоминина.

Такое существо споров посетители выставки, если его отделить от полемического зазора и частных придрок и упреков.

Цель этой статьи — выплести основу художественного мировоззрения Фоминина — отношение его искусства к действительности (конечно, рассматривая этот вопрос в тесном единстве форм с содержанием).

Главное место на выставке принадлежат акварелям 1930—1935 гг. Именно они (а не графика) составляют главное своеобразие манеры Фоминина. Особую выдают картины, связанные с Керченским заводом и Октябрьской ж. д. Попытка Фоминина освоить новую тематику, хотя и сопровождалась отказом от излюбленных приемов, не привела к значительным результатам, вышедшим в ряд натуралистически-реалистических и малооригинальных картин.

Зато с тем большим увлечением художник предался той «элементарной тонкости» и «чарующей игре красок», в своих акварелях, которые одни превозносят до небес, а другие плавдают до презрительной.

Тонкий, прозрачный слой акварели накладывался на влажную бумагу, где-где оставшая белая просветила. Жидкие краски находят одна на другую, расплываются, образуя бесформенные перемены света и цвета. Операция предметов, едва возникнув, сейчас же разлетается светом и воздухом или почти сливается с пятнами фона. Линия почти нет. Художник закрепляет на бумаге только самые смутные, общие, неясные впечатления и отнюдь не стремится их продумать, переработать, выстроить в ясные предметы, едва выходящие из хаоса неясных пятен, по которым часто совершенно невозможно догадаться, что хотел написать художник.

От работ остается впечатление неаконченных, вернее — едва начатых эскизов, неясных намеков, туманных предположений. Эта форма имеет свое объективное содержание, независимо от того, хотел ли его выразить Фоминин или нет. В его произведениях выступает особый мир, в котором исчезла граница между фантазией и реальностью, миром и действительностью, в котором сон столь же реален, как жизнь, потому что жизнь так же неясна и расплывчата, как сон.

Но и сны бывают иногда очень со-

держательны. Может быть, и в данном случае действительные зрители отстанут от передовых художественных сведений Фоминина? Остаются эти выписки?

Прежде всего это сонное восприятие мира имеет свою внутреннюю «логику», с точки зрения которой абсолютно прав Фоминин, когда рисует «Тройку» (1932), в которой голову левой претяжной с таким же правом можно принять за верховную стогол, как и наоборот. С точки зрения этой «логики» вполне допустимо, что глаза балерин (монотипии) находятся у височных костей, что в «портретах» эвкалиптусов у Марти Кох нос и губа отсутствуют совершенно, что Зоя Кох лишена носа, а вместо левого глаза у нее зияет огромная черная впадина. Все это абсолютно неважно, как неважно и то, какое существо vaporозидируется на голове («Сера-лохаль», 1933) и что за чудовище вылезло из воды на камешке («Море» 1934). Совсем в духе Кальдерона!

Но надо мной не властны большие Ни заблуждения, ни обманы. Без заблуждений существует Кто сознает, что жизнь есть сон. Поэтому описание картины и монотипии Фоминина тем точнее, чем более оно неопределенно. Например, она перед нами, кажется балерина, она вероятно наклонилась, причем, как будто бы, хотя возможно, что это и не балерина, однако написано «Балет», пожалуй, все-таки «опыт». Впрочем, стоит ли голову ломать, когда можно просто так: «Имущественно по тонкой вибрации и бесформенному цветному мерцанию акварель «Балет» Осязательные золотисто-малиновые тона восхитительны на фоне сверкающих лимонно-серых перламутровых отблесков». Непонятно? Ну что ж... не всем доступно это пленительное мастерство, не все могут понять то смутное волнение, с которым художник Фоминин обращается к зрителю, как бы говоря ему: «Я прав, сам еще во всем этом не разобрался как следует, но и к тому, что написано, больше ничего добавлять не нужно: оно исчерпывающе пе-

редает все ощущение... Не старайся же и ты, зритель, разобраться в этих путях — может быть они и тебя смутно вводят и безотчетно обрадуют... Тогда ты считаешь, что же блаженное чувство, какое испытал я, когда писал их».

Нельзя сказать, чтобы сны Фоминина были исполнены глубокого смысла; но нельзя отказать художнику в полнейшем единстве формы и содержания его живописи. Неясность формы отнюдь не выражает то, что Фоминин саму неясность, что же он, собственно, хочет сказать?

Однако, живописец не может только предать кисти по полноте; он воле-неволе вынужден обращаться к натуре. Что при этом происходит — легче всего проследить на портретах. Когда художник владеет техникой своего дела, ему не приходится тратить специальных усилий на то, чтобы достигнуть простого сходства с натурой. Он достигает этого сходства как бы мимоходом, выполняя более важную задачу, которая, собственно, и составляет требование искусства в портрете. Эта задача — выразить образ человека, передать его характерное своеобразие всеми доступными живописными средствами. И здесь, например, у портретов Ривина и Серова, есть чему поучиться. Мы не требуем, конечно, у Фоминина полного сходства Серова, так как кроме отчетливого внешнего сходства есть различие шлод, индивидуальностей и т. д.

Но как раз об индивидуальности Фоминина меньше всего можно говорить на основании его портретов — жернов, артистов В. Л. Зускина, С. М. Михалева и др. Скажем больше: если отвлечься от второстепенных различий, то портреты Фоминина будут сильно походить на портреты Леитута или, например, Перельмана, хотя последний принадлежит другому направлению в живописи, и наше сравнение Фоминина с Перельманом обман им вероятно доставит мало удовольствия. В чем же их общность? В отнюдь не беспомощности перед натурой, в отпадовом мучи-

тельных усилиях добиться хотя бы только внешнего сходства (без-така портрет), в одинаковом разномудрии к образу. Конечно, есть много различий. Там, где Фоминин занимается кривой линией, он отступает от Перельмана, как, скажем, какой-либо формалист отступает от какого-либо натуралиста, но там, где Фоминин стремится достичь внешнего сходства, он похож на Перельмана, как например неудачи одного неопытного художника похожи на неудачи другого.

Это легко проследить на портрете В. А. Обуховой, где «французская» сместь цветовых узоров платья превосходно удаляется с беспомощно-инкопильной манерой, в которой Фоминин вышло само лицо артистки.

Среди портретов выставки резко выделяются две акварели, изображающие балерину М. Т. Семенову. Эти работы отдают, как законченность, стиль, выразительность, отчетливо и приятно поражают осмысленностью живописи, столь несвойственной другим произведениям Фоминина. Первая из них — небольшая эскиз балерин в роли балерины. В этом портрете М. Т. Семенова, как человек и артистка, не интересует художника. Зато замечательна эстетика и неопределенность образа балерин уделают Фоминина. И для создания этого образа оказывается как нельзя более кстати все его излюбленные приемы: красочная гамма, ослепление «леповарская» трактовка тела и т. д. Все это вместе прекрасно передает пластичность движений, лиричный ритм и яркую эстетичность балерин.

Большой портрет М. Т. Семеновой также интересен. Но и он воспринимается от образа самой Семеновой и расматривается ею как самостоятельный эскиз какой-то неопределенной, оторванной от тела балерин, капризно изгибав губ и выпякивающей мандризм. Этот мандризм романтически-дерзкий образ занимает Фоминина гораздо больше, чем образ советской балерины Семеновой. Поэтому сравнить его с тем сухим бретом, который изображает ту же артистку приурочиваясь перед зеркалом. Можно догадаться и другими портретами выставки, что Фоминина интересуют не действительные артисты, какими они в жизни или на сцене, а фантастические, поющие не-

определенной таинственности образы, которые могут возникнуть в фантазии под впечатлением театра или сна-видений.

Передать в портрете образ человека, образ артиста художник не в силах.

Трудность обращения Фоминина к натуре вытекает из его художественного мировоззрения. Именно тут-то кроется причина того, почему Фоминин с таким постоянством обращается не к самой действительности, а к ее предположению в искусстве и литературе, к миру театральным кулис, цирковых нарядов и акробатов, к миру балерин, эстетических балерин и скалок из 1001 ночи. Здесь Фоминин стремится найти, ту подлинную самостоятельность-популяризм, которая так близка его художественному мировоззрению и так органична его живописным приемам. Здесь он может обратиться к натуре и в то же время сохранить полную независимость от нее. Не потому, конечно, что он овладел предметом, освоил натуру, а потому, что здесь субъективный произвол художника не так режет глаз и часто даже неосознанно является как достижение. Ведь отход от реальности по отношению к цирку, скалке, театру как бы возмущивается самой природой темы. Но достаточно вспомнить портрет Ермоловой и Шатилина у Серова, балерин у Дель, акробатов у равного Писахова, чтобы понять, что это возмущение так. Эти художники любили жизнь и человека в искусстве и умели находить их среди буфалинских переизбытков румянца и белгла грима. А Фоминин любит театр вместо жизни, мимраж вместо действительности, дук-ду вместо человека.

Ведь нет никакой принципиальной границы между таким рисунком Фоминина «Судка на сцене» и тем его цирковым наездником. Все названные Фоминина также рисунки ничем не отличаются от некой серии различных кукол, или пансионных эскизов. В них так же, как в куколках, нет ни искры жизни, ни души, естественно деревянны, руки и ноги вывернуты, как на шарыраде, о лицах ничего и говорить! («Цирк» 1930 г., «Конюшня», 1933 г., «Иллюзия», 1935 г., «Монотипии» и т. д.). То умерщвление человека, которое звучит разой фальшиво по отношению к жизни действительности, здесь почему-то не столь очевидно и даже, пожалуй, многим будет истолковано как «спасение»

того тайны поллиной театральности и «глубокого проникновения художника в овообразную жизнь цирка»...

Эта статья не преследовала цели «прорубать», «покрыть», «разнести» художника А. В. Фоминина или поучать его, куда следовало бы предвзвешивать фигуру и как лучше закрывать Фом. Мы не ругаем художника за то, что он понасел чернильно-фиолетовое пятно на глазу и подбородок в портрете А. И. Абрамовой (1934) или даже за то, что в картине «Комсомолец» (1929) нос декулирован, безобразно изуродован эстетическим безразличием, а жирные губы съезжают зычно-черными одутавыми щеками. Мы не ругаем Фоминина даже за то, что многие его картины представляют бессмысленный хаос пятен.

Мы не ругаем Фоминина совсем не потому, что нам такая живопись доставляет удовольствие, а единственно потому, что одним ругательством ничто не делается. В определении художественной ценности работ Фоминина мы стараемся высказать более общий вопрос: каким должен представляться мир художника, спонорно создающему такие картины на года в год? — и этим ответить, кстати, на гордые споры зрителей, пришедшие на выставку Фоминина, что она сама по себе не могла претендовать. В результате обнаружилось огромное расхождение между тем, чего действительно стоит это искусство, и тем, за что оно стремится себя выдать. Бессмысленный хаос сонного восприятия мира приурочивая под оболочку «тонкости» и «изысканности», достигаемые только «избранными». Неизбежная беспомощность в обращении с натурой прикрывается претензией критически «под французский» Писахова или «под французский» Фоминина «Судка на сцене» и тем его цирковым наездником. Все названные Фоминина также рисунки ничем не отличаются от некой серии различных кукол, или пансионных эскизов. В них так же, как в куколках, нет ни искры жизни, ни души, естественно деревянны, руки и ноги вывернуты, как на шарыраде, о лицах ничего и говорить! («Цирк» 1930 г., «Конюшня», 1933 г., «Иллюзия», 1935 г., «Монотипии» и т. д.). То умерщвление человека, которое звучит разой фальшиво по отношению к жизни действительности, здесь почему-то не столь очевидно и даже, пожалуй, многим будет истолковано как «спасение»

ПРЕНЕНИЯ ПО ДОКЛАДАМ О ПОЭЗИИ

ФАШИЗМ — ЭТО ГИБЕЛЬ КУЛЬТУРЫ

РЕЧЬ тов. БЕХЕРА (Германия)

И. Бехер

— Я отношу ваши приветствия к Германской коммунистической партии, в которой я работаю под руководством нашего любимого Фрица Тельмана. (Бурные продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию. Зал встает).

(Звядем: Пусть живет и здравствует тов. Эрнст Тельман! Ура! Крики — ура!)

Выступая сегодня, я знаю, что говорю об имени неггерного рабочего в Германии немецких писателей и я хочу начать свою речь, вспоминая имя молодого немецкого рабочего-писателя Фрица Брауна, убитого фашистами. (При упоминании имени тов. Фрица Брауна зал встает).

Я обращаюсь к вам на языке народа, лишенного свободы. Этот народ без свободы является сегодня народом без поэзии.

Великая германская поэзия, оставшаяся без отечества у себя, обращается к нам. Мы являемся ее наследниками. Нам досталось наследство, под тяжестью которого некоторые из нас уже падали, оказавшись слабыми энгионами. Но мы, сыновья пролетариата, величайшего и последнего творческого класса мира, обладаем достаточно крепкими плечами, чтобы принять на себя это наследство и высоко пронести его сквозь времена. (Аплодисменты).

Судьба великой немецкой поэзии теснейшим образом связана с героической неггерной освободительной

борьбой в самой Германии и со строительством социализма в СССР, так же как и с социалистической работой великого Сталина.

Вместе с революционными поэтами к вам обращается вся великая германская поэтическая традиция, к вам — отечеству всех трудящихся.

С поэзией лучше и легче жить. Со страдой на устах или люди в смерти. Мы знаем боевые песни и стихи, запечатленные на гробовых плитах. Поэзия героев, вложенные в стихи, пережитые столетия. Эпохи понимали друг друга благодаря стихам.

Каждое стихотворение — рюк. Социализм дал нам большую уверенность, но эту уверенность легко не использовать не так, как нужно. Мы должны сохранить наше творческое богатство и в эпоху счастливого раскрепощения, то самое творческое богатство, которое когда-то заставило нас написать наши первые стихи. Мы должны обладать неслепящей смелостью преследования, всегда отличающей истинного поэта. Наша страсть не должна страдать от того, что мы сегодня научились правильно думать. Нельзя, чтобы когда-нибудь в будущем можно было бы сказать: это время было богатым, богатым жертвами и героями, как никакое другое время. Оно было богато и игрой всех человеческих страстей, но поэзия осталась в то время и ослабла. Наша поэзия должна быть такой, чтобы можно было бы изучать это время, не переживая гонимых, а читая наши стихи. Но чтобы нам удалось отобразить это время, отобразить его для будущего, мы должны жить со страстными и высокими идеями.

Если нам удастся создать такую поэзию, фашизм, если он когда-нибудь посягнет атаковать нас, будет отброшен. (Аплодисменты). Мир будет знать — фашизм падает на самое великое, на самое умное, созданное человечеством, он падает на самую ценную работу человека. Он падает на самый совершенный вид любви, он падает на высшую форму человеческого общества и человеческих отношений, он падает на тип нового человека, прообразом которого является Стаханов. Весь мир узнает: фашизм — это покушение на самую жизнь. И когда мы, поэты, приложим и свои усилия, чтобы остановить руку фашизма, руку, уже поднятую для удара, рука эта бессильно упадет. (Продолжительные аплодисменты. Все встает).

Если нам удастся создать такую поэзию, фашизм, если он когда-нибудь посягнет атаковать нас, будет отброшен. (Аплодисменты). Мир будет знать — фашизм падает на самое великое, на самое умное, созданное человечеством, он падает на самую ценную работу человека. Он падает на самый совершенный вид любви, он падает на высшую форму человеческого общества и человеческих отношений, он падает на тип нового человека, прообразом которого является Стаханов. Весь мир узнает: фашизм — это покушение на самую жизнь. И когда мы, поэты, приложим и свои усилия, чтобы остановить руку фашизма, руку, уже поднятую для удара, рука эта бессильно упадет. (Продолжительные аплодисменты. Все встает).

Судьба великой немецкой поэзии теснейшим образом связана с героической неггерной освободительной

О ЛИРИКЕ

РЕЧЬ тов. А. ЖАРОВА (Москва)

— Товарищи, на съезде писателей я подробно говорил о некоторых особенностях и причинах отставания нашей поэзии. С сознанием того, что эти причины и сегодня еще не преодолены в моей творческой работе, я полимаюсь на эту трибуну. Усилия мои, видимо, были недостаточны. Надо упрощать, упростить эти усилия, чтобы вместе со всеми лучшими поэтами моего поколения — оказавшись в числе достойных того меклительного, массового внимания к поэзии, которое скажочно возрастает в нашей стране. Я мог бы сказать, что многим поэтам, пусть в меньшей степени, чем мне, свойственны те или иные недостатки. Но правильно судить о них, по-моему, может лишь тот из поэтов, у кого оказалась достаточно сил и умения быть субъектом судьи, прежде всего, самого себя.

Вот почему я не удовлетворен выступлением тов. Безмятежного.

Я хочу коротко сказать об одном участке поэзии, который меня так же, как и других товарищей, интересует — о лирике.

«Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее» — эти слова тов. Сталина выдвигают перед советскими поэтами многогранную проблему выражения вены человеческих чувств, завоеванной трудящимися.

Наша лирика должна сыграть почетную роль в дальнейшем формировании новой этики и эстетики социалистических людей. Неразрывный связь с действительностью, сочувствующейся о непрерывной и глубокой

работой над собой, должна помочь нам подняться на новый уровень возмущения мыслей и чувств героев нашего времени. Отношение людей к труду как к творчеству счастливой жизни чрезвычайно интересно представляется в личной жизни людей, в дружбе, в любви, в восприятии людей, в восприятии мира, в восприятии природы в частности.

Я вырос в деревне, мне в детстве часто приходилось наблюдать у крестьян равнодушные к зеленым лесам, к причудливой красоте лугов, в зорях и закатах... Некрасов в свое время писал:

И нам ли, беднякам,
На отвлеченные природы
Сладенькая
Свободы краткие истрачивать
Мгновенья.

Так было в царской России, так было и есть в буржуазных странах, прежде всего в фашистской Германии, но для людей труда в Советском Союзе природа стала не только экономической, но и эстетической категорией. Мы, поэты, еще не оценили достойным образом этого факта советской действительности.

Я согласен с тов. Зелинским в том, что нам нужна лирика природы наряду с другими жанрами нашей работы, но отнюдь не лирика голого пейзажа и не пейзажная пасажно-советская гладкость, не формалистические упражнения, основанные на внешнем звучании слов.

Пусть вместе с призывными трубами звучат и лирические советские флейты. Они также должны звучать по-боевому. (Аплодисменты).

Так было в царской России, так было и есть в буржуазных странах, прежде всего в фашистской Германии, но для людей труда в Советском Союзе природа стала не только экономической, но и эстетической категорией. Мы, поэты, еще не оценили достойным образом этого факта советской действительности.

Я согласен с тов. Зелинским в том, что нам нужна лирика природы наряду с другими жанрами нашей работы, но отнюдь не лирика голого пейзажа и не пейзажная пасажно-советская гладкость, не формалистические упражнения, основанные на внешнем звучании слов.

Пусть вместе с призывными трубами звучат и лирические советские флейты. Они также должны звучать по-боевому. (Аплодисменты).

Так было в царской России, так было и есть в буржуазных странах, прежде всего в фашистской Германии, но для людей труда в Советском Союзе природа стала не только экономической, но и эстетической категорией. Мы, поэты, еще не оценили достойным образом этого факта советской действительности.

Я согласен с тов. Зелинским в том, что нам нужна лирика природы наряду с другими жанрами нашей работы, но отнюдь не лирика голого пейзажа и не пейзажная пасажно-советская гладкость, не формалистические упражнения, основанные на внешнем звучании слов.

Пусть вместе с призывными трубами звучат и лирические советские флейты. Они также должны звучать по-боевому. (Аплодисменты).

ДЕМОНСТРАЦИЯ ЕДИНСТВА

РЕЧЬ тов. ДЕМЕТРАДЗЕ (Грузия)

— Обсуждая творческий путь советской поэзии, мы должны в первую очередь со всей полнотой осознать глубочайший смысл слов нашего вождя тов. Сталина о том, что «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». Маяковский — выдающийся лирик-трибуна — всю мощь своего таланта поставил на службу революции.

К сожалению, творческий путь Маяковского еще недостаточно освещен нашими поэтами. Это особенно касается грузинских поэтов, с которыми был тесно связан Владимир Маяковский.

Тов. Сурков в своем докладе поставил перед советской поэзией ряд важнейших задач. Лейтмотив его доклада — требование отобразить со всей полнотой нового человека.

В связи с задачами, которые поставлены в докладе т. Суркова, безусловно останутся на основных моментах развития грузинской поэзии. Нужно отметить стихи крупнейшего мастера советской поэзии Грузии Галaktiona Табидзе. В первые же годы пролетарской революции, когда националистически настроенная интеллигенция Грузии, ведя активную борьбу против советской власти, стремилась окопаться в художественной литературе, Г. Табидзе искренно перешел на сторону пролетариата. В своих стихах, насыщенных глубоким содержанием, он воспевал новую жизнь, жизнь советской Грузии. Г. Табидзе является наиболее популярным и любимейшим поэтом Грузии.

Выросли и сформировались в условиях советской власти такие поэты, как Мамашвили, К. Каладзе, К. Лордкипанидзе, И. Абонидзе и др. Из рядов старых пролетарских писателей надо отметить С. Зулу,

Значительно выросли видные представители советской поэзии Грузии: С. Чиквани, Мосалиши, Кутатели, И. Мицишвили. Их поэзия сделалась достойным широким кругом читательской массы.

Выявляя группа символистов — Янатиш, Тинца Табидзе, В. Гапизидзе, Леонидзе и др. — имеют большую поэтическую культуру. Часть писателей из этой группы почасе еще осваивается на старых поэзиях, и критика ведет борьбу против бездельности их творчества. Мы с удовольствием отмечаем, что поэт Паоло Янатиш за последние время обнаруживает тенденции к реальному.

Говоря о поэзии Грузии, нельзя не отметить двух выдающихся мастеров русской советской поэзии — Натериана и Тихонова, переводы которых сделали поэзию Грузии достойным широким кругом читательской массы.

Большая работа проделана также бригадой украинских писателей в Грузии. Нужно отметить замечательную работу украинского поэта Баждана и белорусских писателей.

Советская Грузия наперед будет праздновать 15-летие установления советской власти. (Аплодисменты).

Наша страна за эти 15 лет под руководством гениального вождя тов. Сталина прошла славный исторический путь. Вместе со страной росла и грузинская литература.

Большое культурно-политическое значение этого пленума заключается в том, что он продемонстрировал единство всех литератур нашей великой родины, любовь к нашему вождю, любовь к нашей родине, беспредельную готовность бороться за великую Сталина. (Аплодисменты).

Значительно выросли видные представители советской поэзии Грузии: С. Чиквани, Мосалиши, Кутатели, И. Мицишвили. Их поэзия сделалась достойным широким кругом читательской массы.

Выявляя группа символистов — Янатиш, Тинца Табидзе, В. Гапизидзе, Леонидзе и др. — имеют большую поэтическую культуру. Часть писателей из этой группы почасе еще осваивается на старых поэзиях, и критика ведет борьбу против бездельности их творчества. Мы с удовольствием отмечаем, что поэт Паоло Янатиш за последние время обнаруживает тенденции к реальному.

Говоря о поэзии Грузии, нельзя не отметить двух выдающихся мастеров русской советской поэзии — Натериана и Тихонова, переводы которых сделали поэзию Грузии достойным широким кругом читательской массы.

Большая работа проделана также бригадой украинских писателей в Грузии. Нужно отметить замечательную работу украинского поэта Баждана и белорусских писателей.

Советская Грузия наперед будет праздновать 15-летие установления советской власти. (Аплодисменты).

Наша страна за эти 15 лет под руководством гениального вождя тов. Сталина прошла славный исторический путь. Вместе со страной росла и грузинская литература.

Большое культурно-политическое значение этого пленума заключается в том, что он продемонстрировал единство всех литератур нашей великой родины, любовь к нашему вождю, любовь к нашей родине, беспредельную готовность бороться за великую Сталина. (Аплодисменты).

Значительно выросли видные представители советской поэзии Грузии: С. Чиквани, Мосалиши, Кутатели, И. Мицишвили. Их поэзия сделалась достойным широким кругом читательской массы.

Выявляя группа символистов — Янатиш, Тинца Табидзе, В. Гапизидзе, Леонидзе и др. — имеют большую поэтическую культуру. Часть писателей из этой группы почасе еще осваивается на старых поэзиях, и критика ведет борьбу против бездельности их творчества. Мы с удовольствием отмечаем, что поэт Паоло Янатиш за последние время обнаруживает тенденции к реальному.

Говоря о поэзии Грузии, нельзя не отметить двух выдающихся мастеров русской советской поэзии — Натериана и Тихонова, переводы которых сделали поэзию Грузии достойным широким кругом читательской массы.

Большая работа проделана также бригадой украинских писателей в Грузии. Нужно отметить замечательную работу украинского поэта Баждана и белорусских писателей.

Советская Грузия наперед будет праздновать 15-летие установления советской власти. (Аплодисменты).

Наша страна за эти 15 лет под руководством гениального вождя тов. Сталина прошла славный исторический путь. Вместе со страной росла и грузинская литература.

Большое культурно-политическое значение этого пленума заключается в том, что он продемонстрировал единство всех литератур нашей великой родины, любовь к нашему вождю, любовь к нашей родине, беспредельную готовность бороться за великую Сталина. (Аплодисменты).

СЛОВО МОЛОДЫХ

РЕЧЬ тов. М. АЛИГЕР (Москва)

— Я не еду в Ленинград. — Как я рада. — Как я рада.

Александр Безмятежный, один из наших лучших старших поэтических товарищей, пишет стихи о любви, в которых есть такие строки:

Дорогая моя баловница
Прощайтеся в объятиях моих,
Что нагрузок любовь не боится
И работает без выходовных.

Безмятежный — наш друг, потому что мы к нему приходим в трудную минуту за советом, за помощью, он умеет всегда нам помочь по-настоящему. Почему же он пишет о молодости так плохо?

Мы горячо приветствуем выступление «Искры» о музыке, направленное против сумбура и фальши в искусстве. Мы за мудрую простоту и ясность в поэзии, к которым ведут нас Пушкин, Некрасов, к которой твердо шел Маяковский.

Мы являемся свидетелями самого грандиозного новаторства в мире — стихах Маяковского. Маяковский был великим новатором. Мы считаем, что подлинное новаторство будет не выдуманное, не искусственное приношение, а то, чего требует жизнь, без чего жить нельзя, что распространится само по себе, что нарастает «как снежный ком». Стаханов и Бусыгин не старались удивлять мир, они не могли работать по-старому и просто необходимость, сама жизнь вынуждала то великое дело, которое они сделали.

Страна сейчас опасается появления лгушавшей критики, прячущейся за псевдонимами, страшающей юные жизни либеральными абзацами.

Беспринципные ортокритики своей безогласности будут сказать всекое слово о каком-нибудь новом имени. В этом отношении правильно поступает т. Микерин, смело выдвигаящий новые имена. Но Микерин так находится во власти вкусовщины, он вырывает из творчества поэта отдельные вещи, не наблюдая всего его лица, и таким образом демагогирует его.

Все-таки лучшими критиками у нас являются сами поэты.

Товарищи, исходя из такого понимания Маяковского, нам, молодым поэтам, чужды многие явления нашей поэтической действительности. Хороший советский поэт Уткин печатает вот такие стихи:

— Дорогая. — Дорогой.
— Я плохая. — Я плохой. —

Вот почему я не удовлетворен выступлением тов. Безмятежного.

Я хочу коротко сказать об одном участке поэзии, который меня так же, как и других товарищей, интересует — о лирике.

«Жить стало лучше, товарищи. Жить стало веселее» — эти слова тов. Сталина выдвигают перед советскими поэтами многогранную проблему выражения вены человеческих чувств, завоеванной трудящимися.

Наша лирика должна сыграть почетную роль в дальнейшем формировании новой этики и эстетики социалистических людей. Неразрывный связь с действительностью, сочувствующейся о непрерывной и глубокой

работой над собой, должна помочь нам подняться на новый уровень возмущения мыслей и чувств героев нашего времени. Отношение людей к труду как к творчеству счастливой жизни чрезвычайно интересно представляется в личной жизни людей, в дружбе, в любви, в восприятии людей, в восприятии мира, в восприятии природы в частности.

Я вырос в деревне, мне в детстве часто приходилось наблюдать у крестьян равнодушные к зеленым лесам, к причудливой красоте лугов, в зорях и закатах... Некрасов в свое время писал:

И нам ли, беднякам,
На отвлеченные природы
Сладенькая
Свободы краткие истрачивать
Мгновенья.

Так было в царской России, так было и есть в буржуазных странах, прежде всего в фашистской Германии, но для людей труда в Советском Союзе природа стала не только экономической, но и эстетической категорией. Мы, поэты, еще не оценили достойным образом этого факта советской действительности.

Я согласен с тов. Зелинским в том, что нам нужна лирика природы наряду с другими жанрами нашей работы, но отнюдь не лирика голого пейзажа и не пейзажная пасажно-советская гладкость, не формалистические упражнения, основанные на внешнем звучании слов.

Пусть вместе с призывными трубами звучат и лирические советские флейты. Они также должны звучать по-боевому. (Аплодисменты).

Так было в царской России, так было и есть в буржуазных странах, прежде всего в фашистской Германии, но для людей труда в Советском Союзе природа стала не только экономической, но и эстетической категорией. Мы, поэты, еще не оценили достойным образом этого факта советской действительности.

Я согласен с тов. Зелинским в том, что нам нужна лирика природы наряду с другими жанрами нашей работы, но отнюдь не лирика голого пейзажа и не пейзажная пасажно-советская гладкость, не формалистические упражнения, основанные на внешнем звучании слов.

Пусть вместе с призывными трубами звучат и лирические советские флейты. Они также должны звучать по-боевому. (Аплодисменты).

БУТАФОРСКИЕ КОЛОКОЛЬНИ

Когда-то Чехов поучал молодых писателей: «Зачем это писать, что кто-то сел на полдюжину лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

Жеманство стиля, ложь литературного слова, погоня за эффектным сюжетом, дешёвое искусство, стилизация — это все бутафорские колокольни, заслоняющие писателю подлинную жизнь. И результаты — самые печальные: вместо живого человеческого призывания, способного захватить, вытолкнуть читателя, преподносится вялая-вялая вариация на тему о полдюжине лодку и поехал к северному полюсу искать какого-то примирения с людьми, а в это время его возлюбленная с драматическим жестом бросается с колокольни? Все это неправда и в действительности этого не бывает».

То, в чем мы особенно нуждаемся и чего нам часто не хватает, — это творческой дружбы. Неизвестно два года со дня ухода от нас самого дорогого, близкого и любимого друга молодого, незабвенного и живого Эдуарда Георгиевича Багритского (Долгие аплодисменты. Все встает).

Послеуваем дела Багритского в работе с молодыми является Владимир Луговской. В нашей среде была борьба группировок, сведение личных счетов, антагонизм, но нам помог литературный университет СССР, который объединил наиболее талантливых литературных молодых Москвы. Мы понимаем, что быть инженерами человеческих душ — это великая ответственность, требующая высокого культурного уровня, широкого политического кругозора, чего нам еще не хватает, чему мы учиться, к чему идём.

Для нас, как людей нового времени, почти ровесников Октября, особенно важным является вопрос о новом типе писателя и поэта.

Как обидно должно быть читателю, нашему советскому читателю, самому страстному и внимательному читателю мира, что автор любимых им произведений может оказаться литературным рантье, бытовым разложением, пишущим или хулиганом.

Мы стремимся быть людьми нового мира, новых человеческих отношений, мы несем в своей крови новые чувства. Разные поэты разных жанров объединены одной великой идеей в нашей стране. «Побольше поэтов хороших и разных», — сказал Маяковский. (Аплодисменты).

Тов. Каганович говорил о том, что многомиллионный комсомол должен вести счет не только на миллионы, но и на каждое лицо. Надо это указать сделать программой секции поэтов. Как прекрасна будет тогда наша обычная работа и дружба.

Для нас образцом замечательного человека является писатель-орденоносец, комсомолец Коля Остропский. (Аплодисменты), для нас знаменем борьбы за подлинную поэзию коммунизма является имя «защитника горлана, гавария». (Аплодисменты).

Тов. Каганович говорил о том, что многомиллионный комсомол должен вести счет не только на миллионы, но и на каждое лицо. Надо это указать сделать программой секции поэтов. Как прекрасна будет тогда наша обычная работа и дружба.

Для нас образцом замечательного человека является писатель-орденоносец, комсомолец Коля Остропский. (Аплодисменты), для нас знаменем борьбы за подлинную поэзию коммунизма является имя «защитника горлана, гавария». (Аплодисменты).

Тов. Каганович говорил о том, что многомиллионный комсомол должен вести счет не только на миллионы, но и на каждое лицо. Надо это указать сделать программой секции поэтов. Как прекрасна будет тогда наша обычная работа и дружба.

Для нас образцом замечательного человека является писатель-орденоносец, комсомолец Коля Остропский. (Аплодисменты), для нас знаменем борьбы за подлинную поэзию коммунизма является имя «защитника горлана, гавария». (Аплодисменты).

Тов. Каганович говорил о том, что многомиллионный комсомол должен вести счет не только на миллионы, но и на каждое лицо. Надо это указать сделать программой секции поэтов. Как прекрасна будет тогда наша обычная работа и дружба.

Для нас образцом замечательного человека является писатель-орденоносец, комсомолец Коля Остропский. (Аплодисменты), для нас знаменем борьбы за подлинную поэзию коммунизма является имя «защитника горлана, гавария». (Аплодисменты).

Тов. Каганович говорил о том, что многомиллионный комсомол должен вести счет не только на миллионы, но и на каждое лицо. Надо это указать сделать программой секции поэтов. Как прекрасна будет тогда наша обычная работа и дружба.

Для нас образцом замечательного человека является писатель-орденоносец, комсомолец Коля Остропский. (Аплодисменты), для нас знаменем борьбы за подлинную поэзию коммунизма является имя «защитника горлана, гавария». (Аплодисменты).

Тов. Каганович говорил о том, что многомиллионный комсомол должен вести счет не только на миллионы, но и на каждое лицо. Надо это указать сделать программой секции поэтов. Как прекрасна будет тогда наша обычная работа и дружба.

Для нас образцом замечательного человека является писатель-орденоносец, комсомолец Коля Остропский. (Аплодисменты), для нас знаменем борьбы за подлинную поэзию коммунизма является имя «защитника горлана, гавария». (Аплодисменты).

Тов. Каганович говорил о том, что многомиллионный комсомол должен вести счет не только на миллионы, но и на каждое лицо. Надо это указать сделать программой секции поэтов. Как прекрасна будет тогда наша обычная работа и дружба.

Для нас образцом замечательного человека является писатель-орденоносец, комсомолец Коля Остропский. (Аплодисменты), для нас знаменем борьбы за подлинную поэзию коммунизма является имя «защитника горлана, гавария». (Аплодисменты).

Тов. Каганович говорил о том, что многомиллионный комсомол должен вести счет не только на миллионы, но и на каждое лицо. Надо это указать сделать программой секции поэтов. Как прекрасна будет тогда наша обычная работа и дружба.

ЗА НАРОДНУЮ ПОЭЗИЮ

РЕЧЬ тов. АЛИ НАЗИМ (Азербайджан)

Али Назим

— Недавно один из лучших поэтов Азербайджана Самед Вургун был награжден высокой наградой советского правительства орденом Ленина. Это награждение Самед Вургун одновременно было награждением всей азербайджанской поэзии, которая на рубеже Востока является поэтическим знаменосцем пролетарской революции и национального освобождения народов Ближнего Востока.

Перед азербайджанскими поэтами как перед узбекистанскими и таджикскими поэтами, стоит огромная задача: выдвинуть революционного сознания среди трудящихся масс Ближнего Востока. К сожалению, до сих пор значение поэзии в наших восточно-пограничных и внешне-пограничных районах и республиках недостаточно оценено.

Такие известные, крупнейшие поэты, как Лухтун, Чарени и Галaktion Табидзе, на этом пленуме обогатили молчаньем. Это ведь поэты не только Таджикистана, Грузии и Армении, а всего советского Востока. (Щорова): Они являются поэтами всего СССР).

Перед советской поэзией всего Востока стоит громадная задача. Напрасно здесь некоторые товарищи пытались вопрос о Маяковском разрешить только в масштабе русской советской поэзии. Это было бы ограниченным, односторонним решением вопроса, ибо Маяковский актуален для всех отрядов нашей советской поэзии. У нас, в Азербайджане, вокруг Маяковского также идет жестокая борьба. В азербайджанской «Литературной газете» была помещена статья, где утверждалось, что наши поэты нечего учиться у Маяковского, что Маяковский — прошлое в советской поэзии.

Они считают, что поэты-мистик Азербайджана ближе нам, чем Маяковский. Но мы считаем, что одним использованием древних классических образов в поэзии далеко не удела.

С другой стороны, товарищи, опыт

ПЛЕНУМ ТВОРЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ

РЕЧЬ тов. И. УТКИНА (Москва)

— У нас много говорят об отставании, мы отстаем от прозы, мы отстаем от драматургии, от мировой литературы и, наконец, отстаем от разговорной отставания. Но мы говорили о самом главном и самом серьезном — это об отставании самого себя.

Я знаю, что это не только моя судьба, но никогда не следует мешать тем, что скверно пишешь стихи не ты один.

Наш пленум должен быть пленумом дружбы. Не потому ли так много говорится о дружбе, что ее нам и не хватает? Здоровое сердце не чувствует много несостоявшихся друзей, много отношений, которые назине осложнены. Происходит это потому, что люди неверно понимают природу дружбы.

Я подхожу к последнему вопросу — о народности. Этот термин действительно очень важный, полезный, но опасный, потому что имеет много предостережений и эти предостережения многообразны.

Аксенов и Комяков, русские славянофилы, работали в этой области. Они являлись за «народность» потому, что реакционное дворянство, напуганное так называемым авантюризмом, пыталось при помощи народности утверждать крепостную самодержавность России. Они являлись сарафанами, кабаки, березки и иконы, пытаясь на этом примирить русское крестьянство с крепостным правом.

Значительно позже, уже после Октября, Сергей Есенин, представляя ту социальную среду, которая по-прежнему пыталась индентрироваться Октябрьскую революцию и которая считала себя наследником наследников славянофилов, снова обращается к народности. И по-прежнему Сергей Есенин тоже народен, но эта народность — враждебная и прямо противоположная духу Октября — псевдо-народность реставраторов. Лишь в лице Маяковского мы приобретаем представителя настоящей революционной народности, так как он выражал народность в новом ее попонии.

Наш пленум называется пленум

15 ЛЕТ ТЕАТРА ИМ. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО

Рождение московского государственного музыкального театра им. В. И. Немировича-Данченко относится к 1920 г. Он возник в составе Московского Художественного театра...

Народный артист республики В. И. Немирович-Данченко.

В первые годы своей деятельности Музыкальный театр (тогда еще Музыкальная студия) работал над освоением более легких в локальном, но более трудных в сценическом отношении жанров...

аккадскую трагедию берет в несколько волевым образом театр с гениальной музыкой Визе и придает всему спектаклю изумительную безмятежность и мрачность.

ДВУХТОМНИК Э. БАГРИЦКОГО

Собрание сочинений Эдуарда Багрицкого в двух томах выдвигает Гослитиздат. Это издание является наиболее полным на всех существующих...

Сталин и Красная армия

Брошюра наркома обороны маршала Советского союза К. Ворошилова «Сталин и Красная армия» вышла в Наркомате.

Выставка картин В. Шухаева

Сегодня в 1 ч. дня в главном выставочном зале «Воскохудожник» открывается выставка худ. В. Шухаева.

КУЛЬТУРА КОМАНДИРА

Был спор. Одна сторона утверждала, что дело это немилостиво и несправедливо. Нигде никогда такого не было и ничего не выйдет из всех этих...

Такие, или примерно такие споры были в Центральном доме Красной армии перед тем, как на лекционных абонементов появились краткая надпись: «Если лекция вам не понравилась, вы можете получить обратно деньги у дежурного администратора...»

ЛЮДВИГ РЕНН НА СВОБОДЕ

Революционный немецкий писатель Людвиг Ренн, около трех лет томившийся в гитлеровском застенке, вынужден наконец освободиться.

ОЛИМПИАДА ПОЭТОВ

Пленум правления ССП закрылся вечером 16 февраля. Вечером 17 февраля состоялся свободное заседание пленума в большом зале Дома правительства...

ВЕЧЕР АРМЯНСКОЙ ПОЭЗИИ

19 февраля в московском Доме культуры советской Армении состоялся большой вечер армянской поэзии.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ ПОЭТЫ В МОСКВЕ

Правление Союза советских писателей совместно с Гослитиздатом организует 26 февраля в Доме советского писателя вечер азербайджанской поэзии.

ВЫХОДИТ ИЗ ПЕЧАТИ ВТОРОЙ НОМЕР ЖУРНАЛА «СТАХАНОВЕЦ»

Государственное издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Государственное издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Государственное издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»

хранятся в шкафах уникальные издания. Эту комнату знают многие советские писатели. Командир встречался и беседовал здесь с А. Толстым, Эренбургом, Тиняновым, Никитиным, Сельвинским, Леонидовым, Алалиным и Петровым...